

Надежда

Первухина

Конец света сегодня

Концу — венец!

Город Щедрый

Надежда Первухина
Конец света сегодня

«Первухина Надежда»

2012

Первухина Н. В.

Конец света сегодня / Н. В. Первухина — «Первухина Надежда»,
2012 — (Город Щедрый)

ISBN 978-5-9922-1092-7

Итак, скоро 21 декабря 2012 года. Конец света, катастрофа галактических масштабов? Да в общем-то ничего особенного. Кто-то женится, кто-то меняет пол, кто-то пишет книги... И все это – накануне. У роковой черты. Только вот некоторые задумываются: а есть ли она, эта черта? Может, конец света – это сплошь выдумка досужих фантастов? И не падал метеорит на поле города Щедрого, и не захватывали китайские революционеры резиденцию далай-ламы в Лхасе. И Юлия Ветрова не выходила замуж за индейца майя. И дракона Баосюя не обвиняли в убийстве соплеменника... В общем, читайте книгу и думайте сами, решайте сами – конец света или не конец...

ISBN 978-5-9922-1092-7

© Первухина Н. В., 2012
© Первухина Надежда, 2012

Надежда Первухина

Конец света сегодня

*Светлой памяти моей мамы, Колосковой Анны Васильевны,
посвящается эта книга*

*Все меняется. Лебедь обращается в ворона.
Такахаси Синкити*

*Как прочно и незыблемо все сущее на земле, кроме человека...
Кэндзабуро Оэ*

*Звенит на ветру колокольчик.
Даже в нем предчувствие смерти.
Танэда Сантока*

Все миры начинаются одинаково и похожи, как яйца «Киндер-сюрприз» (если не учитывать то, что там припрятано внутри). А вот заканчиваются миры по-разному, и, если наступает серьезный, полноценный и масштабный конец света, тут уж никакой «Киндер-сюрприз» не поможет.

Все смешалось в городе Щедром. Где-то по осени на поле совхоза «Кривая Мольда» упал метеорит. Это, разумеется, был не астероид Апофис, про который с истеричным подвыванием говорили ученые, неученые и просто алармисты, но все равно метеорит свое дело сделал. Он в мелкую пыль разрушил четыре силосные башни и старую мельницу, на рапсовом поле вырыл яму глубиной метров сто и длиной метров двести, напрочь испортил сотовую и спутниковую связь в округности километров на пятьдесят и вызвал массовую истерику у несущек двух передовых птицефабрик «Рассвет» и «Санрайз».

Вокруг метеорита, не успев толком остыть, сразу закружились голодной волчьей стаей понаехавшие аж из самой Москвы, Питера и почему-то Рио-де-Жанейро ученые, неученые, алармисты, уфологи, геологи и просто охочие до сенсаций глазастые, болтливые бестолочи, которым только дай языки почесать об какую-нибудь новость. Вся эта некормленная орда окончательно погубила репутацию совхоза «Кривая Мольда» как передовика по производству рапсовых культур. Не до рапса стало в эти тревожные времена. Председателю совхоза пришлось заниматься вопросами сохранности метеорита (приехали также и вандалы, сами не свои до того, чтобы не отколупнуть от посланника далеких галактик кусманчик себе на память и детям на потеху), подыскивать жилище для ученых, неученых, алармистов, уфологов, геологов и прочих охочих, а также немедленно организовывать несколько полевых кухонь, чтобы кормить весь этот энергичный, а посему и дико голодный сброд.

Метеорит получил официальное название «Мольдовский», был измерен и гипотетически взвешен. Рекомые параметры метеорита превзошли самые смелые ожидания. Он был лишь чуть-чуть меньше того знаменитого метеорита, который устроил историческую бузу в регионе Подкаменной Тунгуски. В Щедром прошло несколько конференций, на которых ученые и все прочие не местные сообщили местному населению, что отныне спокойной жизни у них не будет. Поскольку метеорит важен не только сам по себе, но и как источник совершенно незнакомого науке химического элемента, которому пока присвоили только порядковый номер.

Профессор Шибанов из Академии наук сделал доклад, в котором говорилось о том, что Мольдовский метеорит имеет уникальную структуру и плотность. Элемент, образующий вещество метеорита, способен выдерживать огромные термические и физические нагрузки (ассистентам профессора пришлось попотеть, чтобы просто соскоблить с выдающегося бока

метеорита немного вещества пополам с сажей). Вещество без сопротивления проводит электричество, не вступает в реакцию ни с одним известным науке химическим элементом, радиоактивно. Последнее свойство здорово припугнуло ненаучно настроенную любопытствующую толпу. Ученым это, конечно, было только на руку.

Метеорит был полон загадок. Сотовая и спутниковая связь так и не были налажены, кроме того, все радиоприборы при приближении к метеориту выходили из строя, а из авторучек рекой текла паста. Поэтому всем желающим пришлось пользоваться карандашами. Ученые бродили вокруг в костюмах химзащиты, не здоровались друг с другом, гоняли ассистентов за кофе и пшенной кашей из полевых кухонь, в общем, вели полевое наблюдение. Метеорит споконненько лежал в образовавшейся яме и в ус не дул, а геолог из Рио-де-Жанейро объявил его (совершенно безосновательно, надо сказать) куском, отвалившимся от планеты Нибиру, тайно обретавшейся в Галактике с незапамятных времен и пугающе близко подбиравшейся к Земле. После этого началась форменная колонизация полей «Кривой Мольды» учеными всех стран.

Самыми додельными, но и самыми аккуратными были, конечно, японцы. Они понаехали в «Кривую Мольду» вместе с аппаратурой, саке и гейшами и в общем-то неплохо устроились в Доме колхозника на целых двух этажах. Вообще, Дом колхозника «Кривой Мольды» стал похож на героя известной загадки «без окон, без дверей, полна горница людей». Все ученые стоически переносили отсутствие горячей воды и наличие тараканов (ученый из Мадагаскара привез с собой своих, шипящих). Отныне шипящие, лоснящиеся, усатые постояльцы резво плодились в Доме колхозника и представляли собой бедствие не хуже чумы.

Да что Дом колхозника! Весь город Щедрый стал похож на одно большое семейное общежитие. Столько гостей старожилы не видели ни разу. Если не учитывать радиоактивность метеорита, приезду гостей щедровчане даже были рады. Во-первых, моментально были сданы все квартиры «на сутки и более», заняты все гостиницы, мотели, кемпинги и зоны отдыха. Во-вторых, досужие иностранцы, не церемонясь, покупали сувениры и прочие местные поделки, которых щедровчане налепили великое множество. Оккультный салон-магазин некоей мадам Жервезы торговал с прибылью в двести процентов. Амулеты от порчи и сглаза, порошки любовного зелья, карты Таро ручной работы, приворотные травки и травки от пьянства, даже кальяны и ароматические смолы – все разошлось на ура.

Тут надобно сделать оговорку и ввести вас, о достойнейший читатель сей безделки, в курс дела. Выше прозвучали два слова: «Щедрый» и «оккультный». Тем, кто впервые решил познакомиться с книгами автора, указанного на глянцевой обложке (портрет с крысами все видели?), эти два слова по меньшей мере ничего не скажут, а по большей – вызовут справедливый вопрос: «О чем это она?»

Поясняем. Щедрый – это старинный русский город неподалеку от Уральских гор. До областного центра – Холмца – сто семьдесят километров. Щедрый не является гигантом промышленности, не занимает первых колонок в журнале «Форчун» и не хвастается миллионными прибылями. Главные богатства Щедрого и его окрестностей – девственная природа и неиспорченное цивилизацией население. Кстати, лозунг нынешнего губернатора Холмцевой области (одним из районных центров коей является город Щедрый) Юлии Владимировны Ветровой звучит примерно так: «Существа – наше главное богатство!» Ох, тут надо также сказать и о том, кто такая Юлия Владимировна Ветрова и почему «существа», а не просто «люди».

В общем, так. Город Щедрый – это оккультный центр Российской Федерации и даже некоторых стран – членов СНГ. В этом уникальном городке совершенно легально, не таясь, проживают ведьмы, феи, а также вампиры, оборотни, домовые, лешие, водяные и прочая оккультная мелочь типа экстрасенсов, гадалок, знахарок и фокусников. Никто не переходит никому дорогу, все живут дружно, по-семейному, а возникшие конфликты разрешают без привлечения высших эшелонов власти. Например, вампиры никогда не конфликтуют с оборотнями. Они понимают, что это неинтеллигентно. А вампиры – это интеллектуальные сливки щедровского

общества. Вампиры устраивают вернисажи и театральные постановки, создают салоны поэзии и моды, словом, обеспечивают в Щедром биение живой мысли, если, конечно, слово «живой» применимо к вампирам.

Оборотни – те попроще. Оборотням Щедрого по душе физический труд и коммерция. Поэтому самые лучшие сантехники города – вервольфы, а лучшие коммерсанты – урсолюды и птицелюды.

Домовые, водяные, банники, феи – все они заняты каждый своим делом. Между прочим, только в Щедром существует такая редчайшая разновидность водяных, как фонтанные. Их даже в Петергофе нет! А в Щедром пожалуйста – есть. Они отвечают за сохранность и функционирование городских фонтанов, которых, кстати, в городе великое множество. В Водопьяновском парке аллея фонтанов аж целых четыре. И все фонтаны работают! Летом в них купаются дети (лето в Щедром всегда на редкость жаркое), а зимой чаши и стояки фонтанов украшаются разноцветными лампочками, превращая парк в волшебное зрелище. А вот теперь поговорим о госпоже губернаторе.

Поскольку она не самый последний персонаж этой книги, надо познакомить с нею вас, о драгоценнейший читатель. Юлии Владимировне нет еще и тридцати, она имеет великолепную фигуру и богатый внутренний мир и при этом является первоклассной ведьмой. В ее биографии немало ведьмовских подвигов и боевых крещений. Будучи студенткой и москвичкой, Юлия Владимировна не подозревала о таящихся в ней способностях, и лишь приехав в Щедрый, к своей тетушке Анне Николаевне Гюллинг, талантливая девушка узнала о том, что является природной ведьмой. Она бросила Москву и осталась в Щедром – обучаться премудростям ведьмовства. Постепенно у нее, как у всякой порядочной природной ведьмы, отрос хвост, который губернаторша украшала позолоченными колечками, а иногда бантиками. До своего губернаторства Юлия Владимировна успела побывать секретарем в оккультной корпорации «Медиум», а затем поднялась до невообразимых высот – стала Госпожой Всех Ведьм. Но ею она пробыла недолго и с удовольствием вернулась из Толедо (резиденция руководства всех ведьм) в Щедрый. Тут она недолго думая выдвинула свою кандидатуру на ближайших губернаторских выборах и, слава святой Вальпурге, покровительнице ведьм, выиграла кресло. Но, даже облеченная высокой властью, Юлия Владимировна не оставила скромного и неприхотливого образа жизни. Это словно о ней сказал Державин в оде «Фелица»:

Мурзам твоим не подражая,
Почасту ходишь ты пешком.
И пища самая простая
Бывает за твоим столом.

Это действительно так. Юлия Владимировна любит винегрет, стоговленный тетушкой, и текилу. Хотя может хряпнуть и водочки под душевный разговор. Машина у губернаторши есть, купленная на честно полученную зарплату, но ездить Юлия Владимировна не очень любит. Просто машину несколько раз минировали. Юлия Владимировна обнаружила мины и разрядила их, но водить машину ей разонравилось. Поэтому она, ежели недалеко, передвигается пешочком, в сопровождении охранника Николая. Николай – умертвие, то есть восставленный покойник. Он обладает большой физической силой и может легко и бесстрашно защитить губернаторшу от любых врагов. А ежели надо отправиться куда подальше, приличная ведьма, а именно таковой и является Юлия Владимировна, летит на метле. Скромно, но стильно.

На момент написания этих строк Юлия Владимировна несет почетный титул соломенной вдовы. Она рассталась (не очень мирно) со своим очередным возлюбленным по имени Ромул и покуда не завела себе никого, кроме чихуахуа по кличке Жамчик. Семейная неустроенность губернатора, конечно, беспокоит щедровчан, некоторые даже пытались определить, не наслали

ли на Юлию Владимировну порчу, но порча тут ни при чем. Просто не везет женщине, и все тут.

Ее тетушка, Анна Николаевна Гюллинг, тоже ведьма, и неслабая. Вообще-то раньше она преподавала музыку, но потом целиком посвятила себя делам ведьмовства. Эти самые дела Анне Николаевне доставили немало головной боли, но тем не менее она не сдается.

Ф-фу! Ну вот, можно сказать, что с некоторыми героями романа вы познакомились. Дальнейшее развитие сюжета представит вам других персонажей, коих будет великое множество...

Но вернемся к тому, с чего начали. А начали мы с конца. Конца света. Который ознаменовался падением метеорита на поле совхоза «Кривая Мольда». Нет, конечно, поначалу никто не собирался связывать метеорит и апокалипсис в одно целое. Но потом...

Потом возле Желтого мыса (местечка в городе) проснулся вулкан, до этого благополучно спавший последние пятьдесят тысяч лет.

Вулкан залил лавой окрестности, выжег два небольших леса и устроил дождь из пепла. На лице города это отразилось новыми морщинами и следами усталости, потому что, во-первых, от вулкана пострадали два парка культуры и отдыха, а во-вторых, на город началось очередное нашествие.

На сей раз это были сейсмологи, вулканологи, геологоразведчики, представители МЧС России и прочие личности, которым извержение какого-то вулкана не дает спокойно спать.

Ученый из Перу, увешанный званиями и наградами, как баньян листвою, выдвинул версию пробуждения вулкана. Дескать, забытый вулкан решил проявить себя под воздействием жесткого магнитного излучения, имевшего место быть на Желтом мысу. Перуанца осмеяли американцы и японцы, считавшие, что активность вулкана – последствия губительной экологической политики, проводимой руководством города.

В общем, ни одна из версий не была принята, и ученые продолжали ломать копья, мучить ассистентов и строчить диссертации.

Самую здравую политику повело руководство МЧС России. В районе Желтого мыса было введено чрезвычайное положение с КПП, металлодетекторами и прочими строгостями. Вулкан был оцеплен, и в лавовые районы допускались только люди со специальным разрешением за подписью мэра Щедрого.

К счастью, вулкан извергался сравнительно недолго – всего две с половиной минуты. Но даже за это время он перепортил щедровчанам массу нервов. Мэр, во всяком случае, был недоволен. И вызвал к себе на ковер главного колдуна города господина Кривошекова.

Сергей Михайлович Кривошеков был колдуном уважаемым, хотя и молодым, всего-то разменял четвертый десяток. Он практиковал белую магию, ясновидение, телекинез и погодное волшебство. Именно он со своим небольшим штатом экспертов-прогнозистов отвечал в Щедром за погоду. И именно ему выпала сомнительная честь предсказать пробуждение древнего вулкана.

Мэр грустно сидел в кабинете и смотрел в окно, за которым меланхолично сыпал снег вперемешку с вулканическим пеплом.

Сергей Михайлович прошел сквозь стену:

– Вызывали?

Мэр поглядел на колдуна. Тот был, как всегда, подтянут, свежесбрит, упакован в дорогой костюм от Ферретти и ботинки от Гуччи, распространяя вокруг себя тонкий, но мужественный аромат одеколона от Армана Баси. Словом, хорош был колдун, не то что мэр с его третьдневошной щетиной.

Руководитель города повертел в пальцах ручку «Монблан» и сказал мрачно:

– Вызывал. Присаживайтесь, Сергей Михайлович.

Колдун, не чинясь, сел на предложенный стул. Неожиданно он сказал:

– Иван Петрович, у вас давление сто восемьдесят на сто тридцать. Давайте я помогу.

– Отвлекаться на эти мелочи...

– Это не мелочи. Я же вижу, вам плохо. Не волнуйтесь, я на расстоянии.

Колдун вытянул в направлении мэра руку с поднятой ладонью, а губами издал звук, словно высасывал остатки коктейля через соломинку. Мэр перестал стискивать голову и с довольной улыбкой откинулся на спинку кресла.

– Сто двадцать на восемьдесят, как в аптеке, – сказал колдун. – Вас можно в космос посылать.

– Да, пожалуй, по такой жизни согласишься и в космос, – удрученно покивал мэр.

– Вы относительно вулкана?

– Его самого, чтоб его кошки драли! Сергей Михалыч, ты, друг, голова светлая, посоветуй, как быть с вулканом этим!

– А что тут посоветуешь, – вздохнул колдун. – Мы уж и так против него ворожили. Если б не магия, извержение длилось бы не две с половиной минуты, а неделю. Тут бы все с лица земли было стерто. Включая нас с вами.

– За это тебе большое человеческое спасибо и премия, но ты мне скажи: почему он проснулся?

Маг похрустел пальцами и вздохнул:

– Что ж вы хотите, Иван Петрович... Конец света.

Мэр опешил:

– Ты о чем?

– Ну как же, Иван Петрович... Об этом все СМИ трубят. Двадцать первого декабря сего, две тысячи двенадцатого года наступит конец света. Согласно календарям майя.

– Ты что, тоже веришь в эту чепухню?

(Мэр выразился жестче, но пусть уж будет «чепухня».)

– Верю, конечно.

– Так-так... А я считал тебя здравомыслящим человеком!

– Как раз здравомыслие меня и привлекло в пророчествах майя. Кроме того, я прочел «Пророчества старца Филофея». Был такой старец в незапамятные времена. Он тоже называет декабрь сего года началом Конца и Страшного суда.

– И что же делать?

– Ждать.

– Как кролики перед удавом? Так, что ли?

Колдун тонко улыбнулся:

– Не думаю. Видите ли, Иван Петрович, конец света – это как взрыв ядерной бомбы. К нему можно подготовиться и выжить.

– Как?

– А уж это дело техники и ума. Вы не волнуйтесь, об этом мы еще поговорим. А сейчас вы для чего меня вызвали?

– Что-то надо делать с вулканом этим. Затопит он лавой весь Щедрый.

– Не волнуйтесь, не затопит, мы все держим в рамках. Народной паники тоже не допустим. Наши эсперы Верочка и Тимур умеют манипулировать массовым сознанием. Поверьте мне, щедровчане даже извлекут выгоду из приезда такого количества ученых и зевак к нашему вулкану и метеориту. Столько средств в бюджет города!

– Бюджет города – это большая тема почище вулкана, – скривился мэр.

– Ничего. Справимся. Кстати, можно переориентировать внимание горожан от вулкана на предстоящий парад планет. Двадцать первого декабря как раз он намечается.

– Парад планет? Это еще что такое?

– Ну как же. Двадцать первого декабря две тысячи двенадцатого года мы будем иметь честь наблюдать малый парад планет – в линию выстроятся Земля, Марс, Юпитер и Сатурн. Парады планет всегда предвещали что-нибудь необычное, и этот тоже... провозвестит.

– Конец света?

– Да. Во всяком случае, конец известного нам света.

– А отложить это... никак?

– Никак. Если только Бог...

– Я атеист.

– Напрасно. Эта Сила уж точно существует.

– Ладно, сейчас не об этом. Помоги вулкан обуздать.

– Уже. Правда, в погоде будут изменения.

– Это какие же?

– Можно сказать, глобальное щедровское потепление. У нас ведь в эту пору морозы под тридцать. А будет как в Сочи, самая низкая температура плюс четыре...

Так оно и было.

В конце осени в городе еще всюю зеленела трава и каштаны. Собиралась снова зацвести сирень. Правда, дни стояли пасмурные – из-за плотного облака вулканического пепла лучи солнца не пробивались к щедровчанам.

В эту пасмурную осень Анна Николаевна Гюллинг, тетушка губернаторши Юлии Ветровой, готовилась проникнуть в Бардо. Бардо – это буддийское чистилище, посмертное состояние, где души умерших пребывают в ожидании нового рождения или полного развоплощения. Для чего же Анне Николаевне, ведьме сугубо европейского толка, понадобилось туда, куда не всякий буддист стремится, мы знаем, но пока говорить не будем.

Пока мы с вами побываем на презентации книги Сидора Акашкина «Новое видение конца света».

Тут следует разродиться некоторой предысторией. Сидор Акашкин – это прыщ на безупречной массмедиальной коже города Щедрого, это Дракула журналистики, монстр Франкенштейна в интервьюировании. В общем, непрерывная мигрень всего города. Сидор Акашкин со своим блокнотом и диктофоном всегда совался туда, куда его не просили, выкапывал самые жареные новости, разрабатывал версии, строил карточные дома информации и раздувал каждую местную сплетню до уровня библейской истины.

Сидора не любили. Ему доставалось и от властей, и от простого народа. Когда-то Сидор был женат, его жена – талантливая ведьма Дениза – долго терпела мужнины выкрутасы и творческие застои с бокалом коньяка в руке (имеется в виду бокал в руке Сидора). Но даже ее ангельскому терпению пришел конец. Разрыв случился сразу после того, как пьяный Сидор заявился домой под утро с двумя пьяными же девицами и заявил, что прямо сейчас будет брать у них интервью. Дениза надавала муженьку пощечин, собрала вещи и отбыла в Толедо, в резиденцию Госпожи Всех Ведьм. Там она обрела утешение и хорошо оплачиваемую работу. А Сидор остался никому не нужным пьяницей с катастрофически завышенной самооценкой.

Сидор себя любил. И потому не позволял по отношению к себе никаких инсинуаций. И когда его уволили из редакции газеты «Щедрые вести», он не сломался.

– Погодите! – погрозились Сидор. – Я вам всем покажу!

И тут же дал интервью одному из своих забулдыг-коллег. В интервью говорилось о том, что он, Сидор, будет работать над книгой, которая станет бестселлером современности и затмит Дэна Брауна, а уж Джеймса Роллинса он вообще сотрет в порошок.

Надо открыть секрет. Способностей к литературному творчеству у Сидора было не больше, чем у кофеварки любви к примулам. Но ему повезло. Минувшим летом он решил съездить в деревню к своей бабке. Та давно молила его со слезами, чтобы приехал и укрепил балки на чердаке – иначе крыше просто хана. Сидор, к тому времени уволенный и испитой,

решил просьбу бабули удовлетворить. Деревня – это всегда неплохо, к тому же бабуля его подкормит, а то деньги кончились и, кроме залежалых пельменей, Сидору в долг ничего в магазине не отпускали.

Итак, Сидор собрался, прихватил с собой верный блокнот и диктофон и поехал к бабуле в деревню Мишенское.

Деревня была старой и почти умирающей. Жило в ней два десятка стариков, перебивались с хлеба на молоко, держали кое-какую скотину, огородничали. Окончательно загнуться деревне не давал тот факт, что половина ее жителей была умертвиями, существовать могла вечно, подкормки не требовала никакой и проблем опять же не создавала никаких. Умертвия же между тем зарабатывали скромные деньжата плетением сувенирных лаптей и валянием сувенирных же валенок.

Деревня встретила Сидора приветливо. Здесь не знали о склочности его норова, и Сидор почувствовал себя прямо-таки на коне. Бабуля в нем души не чаяла и не знала, куда дорогого внука посадить и чем угостить. Голубчику Сидору такое раболепие импонировало; он, как мы уже говорили, сильно любил себя.

Первые три дня в деревне он обедался домашними пирогами с капустой и опивался местным квасом. И спал. Бабуля не тревожила Сидора, потому что понимала – внучек ее приехал из нервного города и следует ему оклематься.

На четвертый день пироги кончились. И квас тоже. Сидор поздно встал, понял, что кофе ему не видать, разве что из желудей, и сказал бабуле:

– Ну что, старая, показывай фронт работ.

Оказалось, на чердаке сильно прогнили две балки. Их надо было заменить свежими крепкими бревнышками, которые бабуля уже ухитрилась раздобыть. Сидор вооружился молотком, долотом и гвоздями, самостоятельно затащил новые балки на чердак и только теперь, оказавшись под крышей, огляделся.

Деревенский чердак! Что может быть романтичнее и загадочнее этого места! Разве только летающие тарелки...

Итак, Сидор огляделся. Чердак был большим, сквозь слуховое окно и щели в черепице проникали лучи солнца и золотыми стрелами ложились на покоробившийся запыленный пол. Сидор пристроил бревна и инструменты неподалеку от люка, а сам пустился в исследование помещения.

Можно сказать, что чердак был пустым. Только пыль и золотые лучи. Но вот в сумеречном углу, где скашивалась крыша, Сидор заметил три разновеликих деревянных ящика.

Он подошел к ним и оглядел. Ящики оказались сундуками, покрытыми истлевшей дерюгой и слоем пыли. Сидора немедленно развело любопытство: что может храниться в сундуках бабки Наталки, да еще на чердаке? Он аккуратно спихнул дерюжку (поднялось облачко пыли) и открыл первый сундук.

Сверху лежали пожелтевшие листы бумаги. Когда Сидор приподнял их, в нос ему ударил слабый запах нафталина. И точно, в сундуке хранились платья, кофты, юбки и прочие дамские принадлежности. Сидор поворошил их. Эти наряды носила явно не деревенская простушка. Платья с корсажами и буфами, бархат, парча, меха – все говорило о том, что их хозяйка была настоящей леди. И фигура у нее была что надо.

Сидор на минутку прикрыл глаза, и ему представилась светская красавица, затянутая в парчовое платье с кринолином и шлейфом. Красавица повела обнаженными плечами и золотыми глазами уставилась на Сидора.

– Чего ты хочешь? – спросила она мелодично.

Сидор вздрогнул и открыл глаза. Колдовство! Его бабка определенно была колдуньей! Иначе откуда могла взяться эта галлюцинация?!

Журналист, нервничая, захлопнул сундук. Ему почудилось, что он вторгся на территорию запретной страны. Он, пятясь, вышел из угла и целых два часа возился, прилаживая новую балку.

Наконец одна балка встала на место. Сидор перевел дыхание и снова глянул в сторону сундуков. Его тянуло туда, как магнит притягивает железные опилки.

– Да ладно, – сказал себе Сидор. – Сундуки какие-то...

И нетерпеливо поднял крышку второго изделия местных (или не местных) столяров.

В этом сундуке цветистой, блестящей россыпью лежали украшения. Сидор, обалдев, машинально перебирал их пальцами. Здесь были золото и малахит, нефрит и бирюза, аметисты и опалы... Украшения сделали бы честь любому ювелиру, а любая кокетка, увидев их, отдала бы свою бессмертную душу. Сидор взял в руки небольшую диадему из сапфиров. Она так сияла! Журналист счастливо рассмеялся – теперь он миллионер! – и нацепил диадему себе на голову.

Тут же он упал как от хорошего тумака.

Перед глазами опять появилась давешняя красавица и спросила:

– Чего тебе надобно, убогий?

Сидор молчал, ошеломленный.

Красавица надула губки:

– В третий раз тебя спрашиваю: чего надобно? Не ответишь – задушу, рыхлая твоя рожа.

Сидор опомнился. Он понял, чего он хочет.

– Я хочу славы, – прохрипел он. – Известности, почета и преклонения.

– Эх, – хмыкнула красавица, блеснув золотым глазом. – Все вы, мужики, от славы сами не свои. Ладно. Будет тебе слава. Открой третий сундук.

Сидор, как сомнамбула, повиновался. Третий сундук был пустым, если не считать небольшой, ин-кварти, толстенной книги в темном кожаном переплете и с изъеденными ржавчиной железными застежками.

– Возьми эту книгу, – приказала красавица. – Прочти и сам реши, что с нею сделать. Но знай, эта книга может принести как великую славу, так и великое бесчестье. Будь осторожен.

– Буду, – прошептал Сидор и взял книгу. Тут же все видения пропали и сапфировый венец с его головы исчез.

Сидор решил, что откроет книгу у себя в светелке. И тут услышал, как снизу зовет его бабка Наталка.

Сидор затолкал книгу под рубаху (железные застежки неприятно царапнули холодом) и крикнул:

– Иду!

Он спустился с чердака и отпрапортовал бабке, что один столб поставил.

– Охти, свет ты мой, – сказала бабка. – А извоzilcси как! Нешто вы, городския, все такия чамошныя?

– Такие, бабуль, такие, – хмыкнул Сидор. – Поросята мы. Оторванные от корней. Ты мне баньку истопи и одежду приготовь на смену, а я сейчас сделаю звонок одному другу.

И Сидор зарысил к себе в комнату. Там он заперся на крючок и вытащил книгу. Она была тяжелая и холодная, не потеплела, даже будучи у самого Сидорова сердца. Журналист положил книгу на стол и отомкнул железные застежки. Бережно раскрыл книгу на титульном листе.

И обомлел.

Потому что на пожелтевшей и хрупкой от времени бумаге было бузиновыми чернилами выведено:

«Видения грядущего Конца Света и что засим воспоследует.

Писано иуна шестаго числа ... 12 года по воплощении Господа нашего Иисуса Христа».

– Сидор! – пронзительно прозвучал голос бабки Наталки. – Баня от готова!

– Иду-у! – крикнул в ответ журналист. В голове его все плыло. Что это за книга? Откуда она у бабки? Кто автор?

Выяснить все это можно было только одним способом – прочесть книгу. Но путается тут под ногами эта старушенция...

– Иду! – повторил Сидор и огляделся отчаянно, ища, куда бы книгу спрятать. И не придумал ничего лучшего, как спрятать ее в баул со своими вещами. Он завернул книгу в майку, сунул на самое дно, сверху придавил диктофоном и фотоаппаратом. Застегнул сумку, еще раз огляделся и вышел из комнаты.

Баню Сидор любил, но сейчас ему было не до блаженства с березовым веником в руках. Найденный артефакт жег ему разум. Поэтому он кое-как выкупался, натянул свежую одежду и вернулся в избу.

А его уже ждала бабка Наталка. Сегодня она приготовила кулебяку, холодец из свиных ножек и напиток, который в деревне назывался «бардюжка» и был исключительно местного изготовления.

Сидор съел кулебяку, отведал холодца, ополовинил кувшин с бардюжкой и после этого почувствовал себя несколько развязно. Не до такой степени, чтобы рассказать бабке про книгу, но чтобы хоть кое-чем поинтересоваться.

– Бабуль, – заплетающимся языком спросил Сидор, – а че это за сундуки у тебя на чердаке стоят?

– Какие сундуки? – удивилась бабка Наталка.

– Д-деревянные. В количестве трех штук.

– Святой Николай-угодник с тобой! Нету у меня никаких сундуков и сроду не было. Помстилось тебе.

– Помстилось?

– Помстилось.

– Ну и ладно, – легко согласился Сидор. – Дай-ка мне еще бардюжки.

Наевшись-напившись и таким образом окончательно утратив черты цивилизованной личности, Сидор отправился спать. Спал он крепко, снов не видел, но вдруг посреди ночи, когда еще и местные петухи не продирали глаз, его вдруг что-то словно толкнуло.

Сидор открыл глаза. Темнота, почти осязаемая, пушистая деревенская темнота заполняла щелястую комнатушку, вливалась в окно и пахла сурепкой...

Но в этой темноте был свет.

И шел он из Сидорова баула.

Журналист сразу протрезвел. Даже голова перестала болеть.

– Книга! – прошептал он.

Сидор относительно тихо соскользнул с пружинной старой кровати и босиком пошлепал к сумке. Хотя ночь была теплая, летняя, его ощутимо знобило.

Негнушимися пальцами он расстегнул «молнию» на сумке. Свет стал ярче, так что пришлось щуриться. Сидор опустил руки в чрево сумки, как в воду. Свет покалывал ему пальцы. Он извлек книгу.

Она светилась ровно и ярко. Переplet был алого цвета, с тиснением, а застежки оказались не ржаво-железные, а золотые. Сидор мельком подумал, что он сейчас со стороны представляет потрясающее зрелище для какой-нибудь одиозной газетенки: на коленях, со сверкающей книгой в руках...

Было тихо. Сидор осторожно встал и положил книгу на стол. Свечение ее чуть померкло, но все равно оставалось таким, что не требовалась никакая лампа.

– Ну же, – сказал себе журналист. – Решайся, если ты мужик!

Руки у него перестали дрожать, и он, выдохнув, отомкнул застежки и раскрыл книгу на первой странице.

Книга была написана древнеславянской вязью, но вот что интересно. Едва Сидор, напрягши мозги, попытался прочесть первое предложение, как в его сознании произошло некое замещение и в голове зазвучал негромкий ровный голос:

«Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Изволилось Святому Духу и мне, грешной рабе Агнии, записать все виденное и слышанное о грядущей године бедствий, что будет перед Страшным судом Господним.

Было сие так. В канун Рождества Христова приключилась со мной, грешной, огневичная болезнь. Металась я в жару, и благочинная нашего монастыря мать Пиама, спаси ее Бог, велела меня особоровать и причастить Святых Христовых Таин. Клирики нашей обители совершили надо мной оба святых таинства, и когда причащалась я, то увидела, как в Чашу вошел свиток огня и этим огнем меня причастили. Страх объял меня, грешную, и долго после этого лежала я в тонком сне будто мертвая. И привиделось мне, что подошла к моей постели высокая дева в блистающих одеждах и с венцом на голове. В правой руке она держала крест святой, золотом сияющий, а в левой цветок лилии, распространяющий неземное благоухание. Я подумала, что это искушение мне, и стала молиться против козней сатаны, но девица не пропала от креста и сказала мне:

– Не страшись меня, я святая мученица Надежда и прислана к тебе, чтобы показать по воле Господа, что случится на земле в последние времена. То, что увидишь, запиши и передай властям церковным. А теперь идем.

И увидела я, что тело мое почивает на постели, а душа отделилась от него и взяла за руку святую Надежду. Мы вышли из кельи и понеслись над землей высоко-высоко. И привела меня мученица в страшное место. Были тут высокие башни из стекла и железа, повозки, едущие без лошадей, железные птицы с большими крылами, ужасно гремевшие. И ни одного-то деревца, ни одного-то цветика нет!

– Что сие за место? – спросила я, и святая ответила:

– Сие есть град, именем Новый Вавилон, а эти две башни, в которых люди занимаются торговлей, куплей и продажей, воистину башни вавилонские. И гибель их будет страшна.

И увидела я гибель эту. Железные птицы устремились прямо на башни и пронзили их. Башни стали рушиться, облака огня и дыма поднялись, сколько людей погибло! И спросила я мученицу, зачем мне это видение. А она сказала:

– Знай, что сие произойдет незадолго до конца света и Второго пришествия Христова. Запомни сие и следуй далее за мной!»

...Сидор оторвался от книги. Голова его кружилась, перед глазами сверкали огненные полосы. Журналист осторожно захлопнул книгу, и тотчас свет ее померк.

– Вот это да! – прошептал Сидор. – Вот тебе и бестселлер!

Он снова запрятал книгу в сумку, лег в постель, но спать не мог. Перед ним открывались самые радужные перспективы, он мечтал на полную, что называется, катушку.

– Прочту пророчества, – шептал Сидор, глядя в темный потолок. – Обработаю их, переложу на современный язык – и готов бестселлер. Назову «Пророчества о конце света». Нет! Книг с такими названиями было уже немало. Вот как будет звучать название: «Новое видение конца света, открытое простому журналисту». Да! Точно! Теперь-то уж ко мне будут относиться с уважением, поймут, что Сидор Акашкин – настоящая звезда!

– Сидор! – раздался из-за закрытой двери голос бабки Наталки. – Милок, ты спишь?

– Не сплю, – буркнул Сидор и встал. Натянул старый спортивный костюм и вышел из комнаты.

Бабка глядела на него с некоторым испугом.

– Ты чего, бабуль?

– Да не спится мне, а тут еще твой голос услышала. Подумала: раз ты не спишь, может, чайку попьем? Я самовар быстро поставлю.

– Хорошо. Попьем чайку, – воодушевленно сказал Сидор. – Я не против. Но до чая ли! Лишь мысль о книге его томила, мучила и жгла.

Впрочем, чай – тоже неплохо.

Бабка раскопегарила самоварчик, поставила на дощатый стол кружки, сахарницу, кувшинчик со сметаной и стопочку блинов, оставшихся от ужина. Порыскав в буфете, нашла и пряники мятные, и клубничное варенье.

Сидор сел за стол, бабка Наталка налила себе и ему чаю, пододвинула вазочку с вареньем. В ночной тишине было особенно слышно, как потрескивают половицы дома, как что-то шуршит по стенам.

– Старый у тебя дом, бабуль, – сказал Сидор, макая блин в варенье.

– Старый, милоч.

– А кто его строил? Муж твой?

– Муж... Эхе-хе! Этот дом был построен тогда, когда я еще косички заплетала да гусей пасла!

– И кто в нем жил?

– До революции в нем три сестры жили. Имен их не помню. Хорошие были девушки. Отец с матерью у них померли, наследство кой-какое осталось, вот они и жили, замуж не выходили, хотя многие к ним сватались.

– Чего ж они замуж-то не шли?

Бабка Наталка усмехнулась:

– Замуж не напасть, а как бы замужем не пропасть. Не хотели, и все тут. Все состояние свое они пустили на дела милостыни, в доме открыли школу и лазарет. А потом революция случилась, сестер этих красноармейцы расстреляли как классовых врагов, а в доме сделали революционный музей.

– Да дом-то вроде небольшой, где тут быть музею!

– Однако ж был. Но недолго. При нэпе музей перевели в город, а в этом доме поселили актрису. Старую. Уж на пенсии. Она была очень одинокая и надменная, всех ниже себя считала. Бывалоча, идет за водой с ведром, меха наденет, платье парчовое, а народ вокруг только насмехается. А потом уж моим родителям, как актриса померла, дом отдали. У нас детей много было. Не заживались, правда.

– Бабуль, – Сидор от волнения проглотил сушку, не разжевав, – а те сундуки, что на чердаке, может, от актрисы остались?

Старушка жалостливо поглядела на Сидора:

– Нету там никаких сундуков, Сидорушка. Помстилось тебе. Ты чай-то пей, родимый.

Ночь Сидор провел смутно, а едва рассвело, он уже полез на чердак.

Здесь было пыльно и пахло остывшей за ночь черепицей. Сидор огляделся.

Черт!

Сундуков, прятавшихся в пыли и тени, не было!

Сидор бросился в угол, где они стояли, но ничто, ни одна пылинка не свидетельствовала о том, что здесь размещались три неподъемных сундука.

– Глюки у меня от бардюжки, что ли, – прошептал Сидор.

Нет. Ничего. Пустота и пыль.

Сидор спустился вниз – бабка ушла пасти коз – и стремительно рванул в свою комнату. Расстегнул сумку...

Книга была. Она снова выглядела старой и поблекшей, но главное – существовала. А это доказательство того, что Сидор не шизофреник.

Он расстегнул железные скобки и уже собрался было открыть книгу, как вдруг голос за спиной приказал ему:

– Не открывай.

Сидор сжался в ужасе. Бабуля пасет коз, но, значит, кто-то пробрался в дом в ее отсутствие и видел все Сидоровы манипуляции с книгой.

Он вскочил и затравленно оглянулся. Книга трепетала в его руках как живая.

Журналист поначалу никого не увидел, а потом...

Потом из стены вышла женщина с красивым и строгим лицом, с золотыми глазами, со взглядом змеи. Она немного напоминала экранную версию Хозяйки Медной горы, только одета была во все черное.

– Вы кто? – прошептал Сидор. – Чего вам надо?

Женщина подняла руку, призывая Сидора слушать.

– Ты хотел славы, и слава к тебе придет вместе с этой книгой. Перепиши все пророчества, явленные в ней, и опубликуй их под своим именем...

– Но это плагиат!

– Пророчества должны быть услышаны, и неважно, кто будет их автором. Я выбрала тебя.

– Почему?

– Потому что ты глуп и разум твой как незаполненный сосуд. Пусть же в нем сохранятся пророчества о грядущем. Людей надо предупредить.

Сидор, которому очень не понравилось, как незнакомка отозвалась о его разуме, тем не менее счел ее слова справедливыми. Что уж говорить – он не гений. Но кто она?

– Кто вы? – повторил Сидор свой вопрос.

– Этого тебе знать не надо. Знай вот что: открывать книгу и переписывать из нее пророчества можно только по ночам. Днем книга должна быть закрыта и спрятана. Иначе с тобой будет беда.

– Понял, – кивнул Сидор. – Приму как святую истину.

Журналист спрятал книгу и увидел, как его собеседница растворилась в пространстве – словно превратилась в сотни жужжащих мух.

– Господи, – сказал ошарашенный Сидор. – Вот уж чего не чаял...

Остаток дня Сидор посвятил труду на чердаке. Прожил в деревне еще пару дней и вернулся в город – к верному компьютеру. И заперся в квартире на целый месяц, выходил только изредка – за соком, пивом и булочками под названием «сырная палочка».

Каждую ночь, едва стихал шум будней Щедрого, журналист включал настольную лампу и плотно завешивал шторы. Компьютер у Сидора работал круглосуточно и ждал его, как верный конь доблестного рыцаря. Рыцарь пера и ноутбука залезал в свой тайник (в углу за кушеткой очень удачно отстали обои) и доставал завернутую в рубашку книгу. Та начинала светиться приглушенным светом, это означало, что она готова к работе и послушна воле своего переписчика.

И вот что было странно: те строки, которые Сидор заносил в память своего компьютера, в книге бледнели постепенно, словно размывались, и исчезали. И Сидор трясся за каждое слово, чтобы, не дай бог, оно не пропало.

«И сказала мне святая Надежда: «Иди за мной, и увидишь то, что будет незадолго до конца света и Второго пришествия Христова». И взяла меня за руку и привела в большую темную комнату. Вдруг комната озарилась, но не свечами, а какими-то мигающими разноцветными огнями. Громко зазвучала сатанинская музыка, и я, грешная раба Агния, воочию увидела, как стала комната заполняться людьми – мужчинами и женщинами в ярких, богатых одеждах. Все они стали выламываться, словно припадошные, и я поняла, что это они так танцуют. А один толстый мужчина в блестящей рубашке как закричит: «Ну сегодня мы зажжем!» Все – ну хохотать, да плясать, да пить. И вижу я – огонь в комнате вспыхнул. Все веселятся, думают – так надо, а уж потом, как огонь разгорелся, поняли, что это самый настоящий пожар. Огонь по стенам скачет, люди валом валят к выходу, друг друга давят, в гари задыхаются, огнем обжигаются, падают, их топчут. Хруст костей и крик стоит страшный! Я глаза закрыла, плачу,

молюсь, а святая мученица Надежда говорит мне: «Не закрывай глаза. Ты свидетельница того, что в последние времена люди примут великие страдания, но так и не покаются пред Господом...»

«И ведет меня мученица Надежда в другое место. Большой блестящий зал с огнями, много народу всякого. Голоса звучат разные и шум, как будто гудение пчел в улье. И вижу я за окнами, как садятся на землю и взлетают железные крылатые птицы, и понимаю, эти люди пришли кто сесть на птицу, кто встретить тех, что с птицы сошли. Много, много народу! И вдруг грохот страшный, и огонь, и дым! И все кричат, кричат! О ужас! Как преисподняя разверзлась! Кто погиб, кто ранен, кто от страха окаменел. Все кричат, бегут, плачут! И я плачу, и говорю святой мученице: «Как же Бог попускает такое?» А она отвечает: «Потому что чаша нечестия людского переполнилась. А те, кто погибли, окажутся в раю».

И вот ведет меня мученица к высокой башне, сделанной из стекла и золота. Двери распахиваются, и мы входим внутрь. Тут много людей, стоят рядами и кричат: «Слава великому целителю!» Вижу я как бы престол, накрытый парчой, и на нем сидит мальчик лет двух. Одет он в золотые одежды, держит четки, голова его лысая, а во лбу моргает третий глаз! По обе стороны от мальчика стоят крепкие мужчины с непонятными палками и внимательно за всеми глядят. «Смотри, – говорит мне Надежда. – Этот мальчик – великое зло, но Бог попустил ему появиться и исцелять людей от всяких болезней, потому что время кончается». Я посмотрела на мальчика, а он своим третьим глазом узрел меня и улыбнулся. И увидела я, что зубы у него не как у людей, а волчьи, и это потому, что он пьет кровь тех, кого исцеляет...»

День за днем, точнее, ночь за ночью открывались Сидору тайны книги, пророчества о последних временах. А когда в компьютер было занесено последнее пророчество и поставлена точка после слова «Аминь», книга рассыпалась прахом.

Для Сидора это была великая ночь. Он посчитал количество знаков – свыше шестисот тысяч. Его бестселлер оказался весьма солидным по цифровым показателям. Его прочтут. Его обязательно прочтут! Надо только найти хорошего издателя и запросить приличный гонорар...

Сидор вышел на кухню и достал пакет с соком. Конечно, сошло бы шампанское, но раз его нет...

Сидор вылил сок в бокал и сказал:

– Пью за твой успех, гений!

И, выпив, не разбил стакан, а аккуратно засунул его в переполненную грязными тарелками мойку.

На следующее утро Сидор принял контрастный душ с гелем «Акс», выбрал лучшую рубашку и костюм-двойку, побрился, освежился и, скопировав книгу на флешку, отправился в местное книжное издательство, специализирующееся на мемуарах известных вампиров, приключениях оборотней и поучительных эссе умертвий.

Сидор в издательстве был известен. Несколько раз он предлагал для публикации свои романы. Он считал, что его творчество (помимо статей в газеты) заслуживает внимания. Но увы. Романы неизменно отклоняли. Сидор обижался в лучших чувствах, но все равно верил в свою звезду.

Ему повезло. На месте была зам главного редактора, и Сидор толкнулся прямо к ней, минуя возмущенные вопли секретарши.

– Добрый день! – сказал Сидор заму, которая в это время, сидя за столом, внимательно разглядывала в маленькое зеркальце большой карбункул на подбородке.

– Какого черта вы врываетесь без доклада?! – возмутилась зам главного редактора, пряча зеркальце и прикрывая ладонью карбункул. – Вы, вообще, кто?!

– Я Сидор Акашкин, – сказал наш храбрец. – И я принес вам потрясающую книгу.

– Да? – скисла зам. – К нам тут по двести человек за день приходит, и все с потрясающими книгами. Неужели вы меня и впрямь удивите?

- Удивлю, – оптимистично заверил Сидор.
- Хм. Ну и как называется книга?
- «Новое видение конца света».
- И о чем?
- О конце света, разумеется.
- Э-э, поправьте меня, если ошибусь: это насчет двадцать первого декабря сего года?
- Двадцать третьего.
- Почему двадцать третьего? Календарь майя ясно говорит о катастрофе двадцать первого декабря две тысячи двенадцатого года.
- Все врут календари, – хмыкнул Сидор.
- Серьезно? Нет, вы положительно меня заинтересовали. Нам о конце света приносили рукописи человек тридцать, но ни один не вел себя так нахально, как вы. Вы чем-то отличаетесь.
- Наверное, талантом, – соскромничал Сидор.
- Да уж. Так почему же, на ваш взгляд, врут календари и катастрофа ждет нас двадцать третьего декабря?
- Все просто. Нужно учитывать разницу часовых поясов. Конец света начнется с Запада, и это будет двадцать первое декабря, а закончится Востоком, и это будет уже двадцать третье.
- Интересный взгляд на проблему. И что же, об этом есть в вашей книге?
- Да.
- Дайте-ка рукопись, я бегло просмотрю.
- У меня на флешке. Зип-файл.
- Это ничего. – Дама взяла флешку, вставила ее в компьютер, подождала, пока откроется файл, и переспросила: – Сидор Акашкин?
- Именно.
- А вы в газете не работаете?
- Уже нет. Я отдал все свое время работе над книгой.
- Да? Ну посмотрим, посмотрим.
- Зам главного редактора погрузилась в чтение. По мере того как она прочитывала все новые страницы, лицо ее из рассеянно-надменного становилось сосредоточенным и внимательным. Такое лицо могла бы иметь боеголовка, выпущенная в цель. Наконец она оторвалась от чтения и спросила:
 - Откуда у вас эта информация?
- Сидор свел ладони и указал взглядом вверх:
- Оттуда.
- Но вот здесь у вас присутствует некая монахиня Агния... Это вымышленный персонаж?
- Конечно.
- Тогда кто же получал откровения от мученицы Надежды?
- Я.
- Seriously?
- Абсолютно. Я пережил тяжелейший стресс, получая видения о конце света. За мою жизнь боролись пять участковых врачей. Но я выжил, сумел написать книгу и теперь хочу, чтобы она принесла пользу людям.
- Что ж... – Заместитель главного редактора теперь смотрела на Сидора совсем другими глазами. – Попробуем издать ваши пророчества. Тем более что времени до гипотетического конца света осталось совсем мало. Если все просчитать, книга выйдет в ноябре.
- Отлично.
- И тут на Сидора что-то нашло.

– Сударыня, я вижу, что этот карбункул портит вам не только внешность, но и настроение. Позвольте мне...

И Сидор осторожно коснулся карбункула кончиками пальцев.

Мерзкий прыщ, коим и был карбункул, исчез.

– О боже, – ахнула заместитель главного редактора. – Так вы еще и целитель?

– Есть маленько, – ошарашенно прошептал Сидор. Ему самому было невдомек, что он умеет исцелять.

Но, оказывается, на него снизошел этот удивительный дар.

«Вот это мне везет, – подумал журналист. – Не было ни гроша, да вдруг доллар!»

Договор на публикацию книги был заключен немедленно и с самым выгодным для Сидора гонораром. Выдан был также нехилый аванс. Счастливый, бывший журналист отправился из издательства прямо в ресторан.

В ресторане «Пти Аннет», расположенном в одном из фешенебельных районов города, Сидора, конечно, не знали. Тут околачивались нувориши Щедровской области и люди из бизнеса. Поэтому на Сидора, когда он сел за свободный столик, люди из obsługi посмотрели с удивлением. Впрочем, официант подошел незамедлительно.

– Добрый день, – сказал официант. – К сожалению, у нас не приняты бизнес-ланчи...

– А мне и не нужен бизнес-ланч, – сказал гордо Сидор. – Мне нужно шампанское брют, волованы с паштетом из индейки, рисовые крокеты и форель на пару. Понимаю, что такого заказа у вас давно не было, и поэтому готов подождать. Но немного. У меня масса дел.

Официант записал все в свой блокнот, поклонился и бросился на кухню. Тут и родилась легенда о великом Сидоре-книгописце, собирающем золото и стригущем купоны за каждый свой бестселлер.

Сидор попивал шампанское и размышлял о дальнейшем своем счастливом будущем, как вдруг на стуле напротив него материализовалась фигура давешней золотоглазой красавицы. Сейчас красавица была в дорожном брючном костюме от Дольче Габбана, туфельках от Версаче и в руках держала сумочку явно от Шанель. Тонкий аромат духов красавицы окончательно добил Сидора. Это было что-то пряно-восточное и в то же время напоминало церковный ладан...

– Сидор! – воззвала к нему красавица.

– Что? – вышел из ступора журналист.

– Перестань плясать на мою грудь и налей мне шампанского.

– О да, конечно, простите!

Тут же был принесен второй бокал, и Сидор, трепеща крылышками, налил своей благотельнице игристого напитка.

– Что ж, – сказала красавица. – За твой успех, Сидор!

Они чокнулись и выпили.

– Итак, – заговорила дама, когда шампанское было выпито. – Книга написана и отдана в издательство.

– Да.

– И договор заключен. Когда выходит книга?

– В ноябре.

– Отлично. Пиар-акция будет обеспечена. Только ленивый не прочтет твои пророчества, Сидор.

– Это значит, что мою книгу переведут на иностранные языки?

– Уже переводят. Книга распространится по всему миру. Во всяком случае, мы сделаем все, чтобы так было.

– А кто это «вы»?

– Общество, которому безразлично будущее Земли и человечества. Мы хотим предотвратить катастрофу двадцать один двенадцать.

– То есть? Что, конец света действительно будет?

– Разумеется.

– По календарям майя?

– Да.

– Погодите, я не понимаю. Что, в декабре этого года катастрофа...

– Да, в декабре этого года. Сроки выверены, убийцы подготовлены. Сера и смола уже кипят в небесах. Человечество обречено.

– Тогда какую пользу принесет моя книга? Раз уж...

– С этой книгой человечеству дается последний шанс покаяться и обратиться к Богу с молитвой о спасении Земли.

– Я не могу в это поверить.

– Сидор, Сидор... Твоя рука написала несколько глав, посвященных уникальному мальчику с третьим глазом во лбу, не так ли?

– Ну... да.

– Этот мальчик – великое зло. Он уже начал свою деятельность и привлекает к себе все больше и больше людей. Резиденция его в Дели, туда стекаются миллионы паломников, чтобы поклониться ему.

– Он что, Антихрист?

– Он? Нет. Но можно сказать, что он предтеча.

– Как же людям спастись от конца света?

– А вот об этом ты напишешь свою следующую книгу. И на твоём месте я бы не раскидывалась по ресторанам, а шла бы на своё рабочее место.

– Но если я не знаю, как и о чём писать?

– Я буду с тобой. Я продиктую. Теперь ты член нашего общества.

– А как оно называется?

– «Предвестники зари». Именно так будет называться твоя новая книга.

– Звучит красиво. А чем вы занимаетесь?

– Этого я пока тебе сказать не могу. Мы просто солдаты Бога. Рыцари истинной веры. Мы огнём и мечом пройдем по тем странам, которые не примут твоё – наше! – учение. Тебя ждёт великое будущее, Сидор.

– Кстати, я вот что хотел спросить...

– Да?

– У меня целительские способности вроде как проявились. Это тоже вы?

– Нет, это закономерная реакция твоего организма на то положение, которое ты отныне занимаешь.

– И какое же это положение?

– Ты – мессия, Сидор.

– Не понял!

– Тебе предстоит сражаться со злом всего мира!

– Но я же не Шварценеггер!

– Конечно. Ты сильнее. Помнишь мои слова о предтече Антихриста? Тебе надлежит встретиться с ним и побороться.

– Значит, я еду в Дели?

– Да.

– Когда?

– Двадцать первого декабря сего года. Мы доставим тебя нашим транспортом.

– Замечательно.

– Сидор, ты не должен бояться и малодушествовать. Тебе отведена великая роль, миллионы людей будут жить и умирать с твоим именем на устах... Впрочем, это пока тебе не стоит знать. Идем отсюда. Пора писать новую книгу.

Они вышли из ресторана (Сидор и за даму расплатился, и хорошие чаевые оставил). Даму поджидала машина с молчаливым шофером, которого Сидор определил как умертвие. Они сели в машину, Сидор почему-то сразу начал дремать, и в этой дремоте он едва слышал те речи, которые изливала на него собеседница...

Скоро парочка оказалась в квартире Сидора. Дама, чье имя он так и не потруился узнать, уложила его спать на кушетку и прикрыла пледом, а сама всю ночь просидела за стационарным телефоном, делая кому-то звонки и разговаривая при этом на совершенно неизвестных языках.

...Первого ноября вышло из печати «Новое видение конца света», и моментально эта книга стала бестселлером. Буквально через неделю ее переиздали миллионным тиражом и заключили с Сидором новый договор, буквально осыпаящий его новенькими хрустящими банкнотами. Сидор, конечно, договор заключил, но деньги его уже не заботили. Он жил на попечении «Предвестников зари» и получал все необходимое и даже больше. Сидор понимал, что ему не нужны деньги; куда их тратить в мире, катящемся в пропасть? Он стал самым известным в России меценатом и спонсором. Детские дома и больницы молились на него, директора картинных галерей верили в Сидора, как в Бога, да и вообще...

Сидор получил славу и известность. Но это его не радовало. Его вообще ничего не радовало, кроме книги, которую он писал. Именно поэтому он чуть не забыл приехать на презентацию «Нового видения конца света» в Санкт-Петербург.

Презентацию решили проводить не где-нибудь, а в Русском музее, где сами стены были, можно сказать, освящены присутствием великих мастеров.

Большой зал был заполнен почти до отказа. Отражения гостей двоились и троились в огромных зеркалах. Играл струнный квинтет. Публика была самая представительная: несколько президентов стран третьего мира, наш премьер, мэр Санкт-Петербурга и прочие всякие помельче. Сидор сидел в первом ряду, его лорнировали дамы, но наш бывший журналист никого не замечал. Юдифь (а именно так звали загадочную даму из общества «Предвестники зари») не приехала, оставив Сидора самостоятельно отвечать на поклон и дифирамбы. Сидор кланялся, говорил ответные комплименты, но делал это не от души, а как-то механически.

Когда он порядком устал от шума презентации и халявного шампанского, он решил выйти в фойе. Здесь было прохладно и полутемно. Сидор присел на банкетку и задумался. До конца света времени осталось с гулькиным нос. Когда же он поедет в Дели?

Вдруг что-то ужалило его в шею.

– Пчела, что ли-и-и-и, – успел изумленно пробормотать Сидор, и тут его накрыло темным облаком.

Очнулся он в темноте и духоте.

– Я ослеп, – перепуганно прошептал Сидор. – Ой, мамочки, я ослеп!

Тишина была ему ответом. Сидор приподнял руки, до этого мертво лежавшие вдоль тела. Руки повиновались ему, но плохо. Сидор коснулся пальцами глаз, но пальцев не увидел.

– Ослеп! За что мне это, Господи?!

Духота давила на него. Сидор почувствовал, как по телу текут струйки пота.

– Помогите! – прокричал Сидор. Голос прозвучал жалобно и с каким-то мальчишеским писком. И что еще важно, голос эхом отразился от стен. Значит, журналист был в каком-то достаточно большом помещении.

Сидор поводил руками в пространстве. Ничего. Духота и тьма. Он ощупал себя и понял, что лежит совершенно обнаженный. Даже туфли, его новые туфли Прада пропали!

– Помогите! – снова закричал несчастный журналист. – Кто-нибудь! Хелп ми! Я пить хочу! Ай вонт ту дринк! И потом, где моя одежда?!

Неожиданно для себя Сидор понял, что готов заплакать.

– Крепись, гребаный писатель, – проговорил он себе грубо и по-мужски. – Давай разберемся в ситуации.

Сидор попробовал сесть. Получилось. Он похлопал ладонями вокруг себя – ладони встретили гладкий каменный пол.

– Так, – выдохнул Сидор. – Одно хорошо – это не гроб.

Тогда, может быть, склеп?..

Сидор покряхтел и осторожно встал в полный рост. Тоже получилось. Тогда он предпринял жутко смелую попытку: вытянул одну руку вверх, надеясь достать потолок. Но потолка он не достал и вообще каким-то дцатым чувством ощутил, что помещение, в котором его держат, огромно – высокий потолок, почти что купол, далеко расположенные стены.

Наш герой никогда не считал себя героем. И поэтому довольно долго просто стоял на месте, трепеща от давящей на него тьмы. И первый шаг ему сделать было очень нелегко.

Но он его все-таки сделал.

Дальше стало легче. Второй шаг, третий... Ноги вроде слушаются. Правда, кружится голова и шея болит в месте укуса предполагаемой пчелы. Сидор потер шею и обнаружил небольшую припухлость. Что же все-таки с ним случилось?

Он пошел вперед, вытянув руки, каждую секунду содрогаясь от того, что может коснуться чего-то страшного и неведомого. И тут пришел голос:

– Остановись, чужеземец.

Сидор замер в жуткой темноте.

– Кто говорит? – дрожащим голосом прошептал он.

Как ни бил его страх, он сумел проанализировать услышанный голос – говорили по-русски, но с чудовищным акцентом. И еще было пришепетывание, как будто у говорившего во рту было больше зубов, чем полагалось.

– Остановись, чужеземец! – повторила тьма. – Узри.

– Узри? – шепотом же переспросил Сидор. – Ох, значит, я не ослеп?

И в подтверждение этой догадки вспыхнул свет. Это не был свет солнца или электрических лампочек, нет, это был свет живого огня, запылавшего в десятках факелов.

Сидор увидел в этом свете, что находится он в огромном помещении и что он не один. Факелы держали десятки людей, одетых в очень странные одежды, напоминающие доспехи. Один из них, облаченный в золотую кольчугу поверх длинной, простого кроя рубахи, подошел к Сидору и, посветив тому факелом в глаза, велел:

– Преклони колени, чужеземец, ибо ты в храме великой богини.

– Я, конечно, преклоню, – заторопился Сидор, опускаясь на колени. – Но, может быть, кто-нибудь объяснит мне, как я сюда попал?

Никто ему ничего не объяснил. Сидор лишь увидел, как на него надвигается фигура огромной лоснящейся темнокожей бабы. Поверх голых мощных грудей бабищи висело ожерелье из человеческих черепов, в руках она держала по отрубленной голове, а бедра ей (не бедра – бедрищи!) украшала связка отрубленных человеческих рук.

– Кали! О Кали, великая! – закричали все хором, словно помутившись в рассудке.

Факелы пылали, от жара все плыло перед глазами несчастного журналиста.

– Кали? – пискнул Сидор. – Я что, Индиана Джонс?

– Кали!

– Кали!!

– Кали!!!

Лицо бабищи оказалось на уровне глаз Сидора. Она открыла рот и высунула длинный отвратительный язык. Ее зловонное дыхание повергло Сидора в шок. И он просто упал в обморок, когда своим языком Кали облизала его лицо.

– О Кали, прими эту жертву! – на санскрите сказал тот тип, что бросал Сидору фразы на русском.

– Приму, – прохрипела бабища.

Откуда-то в храме взялся операционный стол с аппаратом наркоза и бестеновой хирургической лампой. Тут же возле стола образовалась докторша в белом халате и подобная ей ассистентка. Они разложили инструменты и воздели вверх руки в стерильных перчатках.

Не подающего признаков жизни журналиста возложили на стол. Тут же надели ему маску наркоза. Лампа вспыхнула ярче; над Сидором склонились хирург и ассистент. Под завывания толпы «о великая Кали!» они оскостили несчастного Сидора и прижгли ему рану. Отрезанную часть тела журналиста Кали тут же с удовольствием сожрала. Сидора сняли со стола и закутали его бесчувственное тело в нечто вроде савана.

И снова грянула тьма.

Когда Сидор очнулся во второй раз, вокруг стоял солнечный день. Прохладный кондиционированный воздух овеял его лицо и привел в чувство. Сидор застонал и открыл глаза. Взгляд его долго не мог сфокусироваться, но потом он увидел, что лежит напротив большого окна, наполовину закрытого белыми пластиковыми жалюзи. В незанавешенную часть окна была видна крона дерева, и не просто дерева, а пальмы.

Сидор немного полюбовался пальмой, а потом оглядел себя. Он лежал на кровати, до подбородка укрытый белой простыней. К правой руке была прикреплена канюля капельницы. Сама капельница стояла рядом. Свободной левой рукой Сидор ощупал свое лицо. Вроде бы нормально, только вот щетина. Сколько дней он не брился и где он?

Ему на миг вспомнилась тьма и бабища Кали. Он содрогнулся – что это было, видение или реальность? Сердце Сидора забилося сильнее, и тут же он услышал прерывистый писк – так пищат кардиомониторы.

– Я в больнице... – прошептал несчастный. – Я попал в аварию?

И тут он увидел, что открывается дверь, доселе неразличимая со стеной.

В комнату, или, лучше сказать, в палату, вошел высокий смуглый мужчина в белоснежном халате. Голову его украшала пышная иссиня-черная шевелюра, вишнево-карие глаза смотрели внимательно и заботливо. Он подошел к постели и, взяв руку Сидора, стал проверять его пульс.

– Доктор? Вы доктор? – по-английски спросил Сидор.

И услышал английское, но с акцентом:

– Конечно. Позвольте представиться: я доктор Раджниш Капур. Вы находитесь в частной клинике неподалеку от Калькутты.

– Калькутта? Как меня сюда занесло?

– Этого я не знаю. Как, впрочем, не знаю, кто вы. Как ваше имя?

– Сидор Акашкин.

– Хорошо, что вы помните свое имя.

– А не должен?

– Вы были в шоке, – уклончиво сказал доктор и продолжил спрашивать: – Национальность?

– Русский.

– О, вы русский! Прекрасно. Тогда я с вами могу говорить на вашем родном языке, я ведь учился в Москве! Ваш возраст?

– Н-не помню.

– Как вы попали в Калькутту?

– Не знаю, не знаю!

– Не волнуйтесь, вам вредно волноваться. Я распоряжусь, чтобы вам ввели рисперидон.

– Доктор, скажите, ради всех богов, как я попал к вам в больницу?

– Вас обнаружили полицейские, совершающие ночной объезд района Санаджай нашего города. Вы лежали, истекая кровью и не подавая признаков жизни, неподалеку от храма Воинствующей Кали. Когда полицейские увидели вашу рану, они вызвали наших специалистов, потому что у нас есть необходимое оборудование и разработан процесс реабилитации.

– А какая у меня рана? – задыхаясь от страха, спросил Сидор.

– Бедняга... – пробормотал врач. Потом легонько стиснул руку Сидора. – Держитесь. Вас оскопили.

– Ч-что?! О нет! Как? Почему? Кто?

– На эти вопросы я не могу вам дать ответов. Скажу лишь, что долгое время вы находились между жизнью и смертью. Ваша рана, неумело прижатая, воспалилась и загноилась. Нам пришлось много потрудиться, чтобы вытащить вас с того света. Не отчаивайтесь! Жизнь продолжается. Кстати, по факту вашего оскпления возбуждено уголовное дело. Полиция ищет негодяев, сделавших это. А вы помните, как попали в Калькутту?

– Нет! – плача, воскликнул Сидор. – Я помню лишь презентацию моей книги в Санкт-Петербурге, потом словно пчела ужалила... И еще помню, как оказался в жутком месте... Сначала я не понимал, где я, потом мне сказали...

– Что?

– Что это храм Кали. И я увидел ее. Огромную, страшную. Она шла ко мне...

– Так-так... – сказал врач и вынул из кармана четки.

Сидор говорил, а врач покручивал четки. Сидор никак не мог понять, из чего же они сделаны...

– Господин Акашкин, ваша задача сейчас – выздороветь. Мы со своей стороны приложим к этому все усилия. Загадками, случившимися с вами, займется полиция и посольство России в Индии. Мы немедленно свяжемся с ними и сообщим о вас. Сам же я могу предположить вот что...

Врач значительно помолчал.

– Что же? – спросил, дрожа, Сидор. Он скопец! Ужас и стыд!

– Скорее всего вы попали в руки секты «Тигры Кали». Это похоже на их почерк: похищение, шок, оскпление. Таким образом, вас принесли в жертву Кали.

– Но почему меня?!

– Видимо, они сочли вас значительной личностью, отмеченной печатью особой славы.

– Славы, вы говорите? – дернулся Сидор.

– Да, хотя бы. Но на этом разговор наш пока закончим. Набирайтесь сил. Скоро принесут ланч, постарайтесь съесть хоть что-нибудь, это придаст вам бодрости. А меня, извините, ждут другие пациенты. – Врач с мягкой улыбкой встал. – Бодритесь, господин Акашкин. На свете нет нерешаемых проблем.

И ушел, поигрывая четками.

Сидор долго лежал, бессмысленно пялясь в потолок. Все пытался понять, из чего же сделаны четки доктора Капура.

А когда понял, похолодел.

Из человеческих зубов.

...Когда принесли ланч, Сидор послушно все съел и выпил, хотя аппетита не было совсем. Внутри него что-то надломилось, прошлая безбедная жизнь казалась сном. И Сидор не удивился, когда в лучах заката перед его кроватью соткалась полузабытая фигура.

Это была Юдифь.

– Здравствуй, благороднорожденный! – с легкой усмешкой сказала она. – Пожинаешь плоды славы?

– Пожинаю, – сквозь зубы процедил Сидор. – Это все ты, да?

– Никоим образом. Это, как сказал тебе доктор Раджниш Капур, «Тигры Кали». Им принадлежит сомнительная честь отрезания твоих яиц. Ужасная секта. Правда, доктор не упомянул о том, что тоже состоит в ее рядах.

– Как? Но он же меня лечит!

– Не в их интересах терять тебя. В их интересах тебя ослабить, чтобы ты не мог противостоять Мальчику Из Дели. Двадцать первое декабря, ты забыл? Конец света грядет! А ты всё про яйца.

– Я до сих пор не представляю, как бы я мог ему противостоять.

– Зато мы, «Предвестники зари», представляем. Мы спасем тебя, Сидор. Мы укроем тебя так, что не найдут никакие тигры.

– Где?

– В Бардо.

– Где-где?

– Что ты заладил одно и то же, как попугай. Не знаешь, что такое Бардо?

– Конечно, не знаю.

– Бардо – это область межсветья. Это промежуточное состояние между смертью человека и его новым рождением. Можно сказать, что Бардо – это буддийское чистилище. Сорок девять дней пребывает в нем душа, чтобы отринуть все земное и приблизиться к свету Самадхи – свету нового рождения.

– И каким это боком относится ко мне? В Бардо ведь попадают мертвые?

– Души мертвых.

– А как насчет тел? Нет, я не согласен. Я свое тело люблю и расставаться с ним не намерен. И потом, если я буду мертвый, как же я смогу сразиться с этим Делийским Мальчиком?

– Его имя Собхита.

– Да кой мне черт до его имени!

– Надо знать имя своего врага. Это придает силы.

– А он мое имя знает?

– Нет. Он даже не знает, что ты существуешь. Он чувствует себя безнаказанным и торжествующим. Конечно! Ведь за ним стоит сам Мара.

– Кто?

– Ну, Сидор, ну ты темный! Мара – это буддийский бог-демон, чья задача творить зло, нестроения и разрушение. Если бы не Мара, Собхиту, возможно, удалось бы повернуть к добру. Но Мара его окончательно развратил.

– Похоже, мне придется воевать не только с Собхитой, но и с Марой.

– В общем, да. Но ты не волнуйся. У тебя очень хороший потенциал. Тем более ты будешь обучаться искусству войны в Бардо.

– А я думал, там только покойники, ожидающие перерождения.

– Ой, Сидор, какой же ты нудный!

– Ничего я не нудный. Я был нормальным человеком, ничего не знал, ни в чем не участвовал...

– И нравилась тебе такая жизнь? Ты ведь сам запросил славы!

– Запросил... – уныло протянул Сидор.

– Ну и вот.

Сидор оглядел палату. Положение у него было самое отчаянное.

– Сейчас-то мне куда? – спросил он.

– А сейчас тебе надо бежать, – с гадкой улыбочкой сказала Юдифь.

– И ты мне, конечно, не поможешь?

– Сидор, ты дурень. Как ты думаешь, зачем я здесь? Бюстом своим красивым перед тобой трясти?

– Ну кто тебя знает...

– Значит, так. Сейчас мы с тобой обменяемся телами. Твоя душа займет мое тело и отправится в Дели, а я в твоём теле буду лежать здесь, в палате, и наблюдать за действиями «Тигров Кали».

– Прямо Сергей Лукьяненко какой-то.

– Кто?

– Ну хоть что-то вы не знаете. А больно будет?

– Нет. Только щекотно. Конечно, больно, дурак! Душа с телом разлучается, связь почти рвется! Это как маленькая смерть. Ладно. Давай меняться, пока сюда твой доктор не пришел.

Юдифь воздела руки, и тело ее засветилось золотым светом. А Сидор в это мгновение увидел, как его тело становится призрачным, слезает кожа, потом пропадают мышцы, потом рассыпается скелет. Адская боль затопила разум Сидора. Он хотел закричать, но из глотки вырвался только слабый писк...

А потом он увидел самого себя, лежавшего на кровати.

– Ну что? – спросила его Юдифь его, Сидоровым, голосом. – Как тебе новое тело?

Сидор оглядел себя. Как женщина Юдифь могла дать сто очков вперед любой фотомодели.

– Э-э, – протянул он, осторожно касаясь руками высокой груди. – Неплохо, конечно.

– Ты за сиськи-то себя не лапай, не лапай, – хохотнула Юдифь. – Обрадовался.

– Имею право. Они теперь мои, – хохотнул и Сидор.

Тело Юдифи было крепче и моложе, в нем он ощущал себя так, как будто напился холодного шампанского. И главное, не надо думать, что тебя оскостили! Будто и не было этого унижения!

– Что теперь будем делать? – спросил Сидор у Юдифи, новыми, легкими для себя касаниями поправляя высокую причёску. – Я в этом теле тоже смогу появляться и исчезать, как ты?

– К сожалению, нет. Зато я могу в твоём теле телепортироваться, так что смогу вовремя сбежать, если надо, и сберечь твои несчастные яйца.

– Блин, вот зачем ты так!

– Ох, прости, забыла! Ничего, Сидор, когда все кончится, мы сделаем тебе пластическую операцию и пришьём силиконовые.

– А когда все кончится, нужны они мне будут? – хмыкнул Сидор.

– Резонный вопрос, – подняла палец вверх Юдифь.

Они посмотрели друг на друга. Сидор вдруг понял, что мог вполне бы увлечься этой красоткой с паранормальными способностями. Но сейчас разве до этого? К тому же какой из него теперь мужик...

– Сидор, не отвлекайся, – сказала Юдифь. – Слушай инструкции.

– Слушаю.

– Сейчас ты очень спокойно и очень быстро выберешься из больницы.

– Каким образом? В это тело что, встроен навигатор?

– Нет. Направо от этой палаты дверь. Стальная. Она взломана, ее взломала я. За этой дверью пожарный выход. Ты скоренько спустишься по лестнице и выйдешь, предварительно проведя рекогносцировку, на задний двор больницы. Там, за рядом мусорных баков, стоит «БМВ»-кабриолет.

– Что, третьей серии? Шестицилиндровый двигатель?

– Ага, кое в чем ты разбираешься. Да, именно такой «БМВ». Ключи в замке зажигания. Садись, аккуратно выкрулишь и шпаришь по трассе М-1 до Калькутты. А там сориентируешься по карте и отправишься в Дели.

– Замечательно. Я не умею водить машину – это раз. Я не знаю, где Калькутта. Это два. На кой хрен мне ехать в Дели – это три.

– Отвечаю дураку. Это тело с развитой моторикой. Оно знает, как водить машину. Раз. В машину встроена система навигации, с которой можно добраться не то что до Калькутты, а до Марса, – два. В Дели тебе нужно для того, чтобы хоть иметь представление о своем сопернике Собхите, – три.

– А в Бардо?

– Будет тебе и Бардо. Все понял?

– Как не понять.

– Ну все, давай двигай шикарной попой, а я буду здесь лежать и изображать несчастного тебя. Удачи!

– Мерси.

Сидор мелкими женскими шажками досеменил до двери, осторожно отодвинул ее и выглянул в коридор. Никого. Только все белое – стены, пол, потолок...

– Вали! – услышал он напутствующий шепоток Юдифи.

И он свалил. Переместился по коридору, скоренько нырнул за стальную дверь и, подобрав подол платья, стал спускаться по лестнице.

– Господи, если ты есть, в чем я сильно сомневаюсь, – сказал перед этим Сидор, – сделай так, чтобы мне никто не встретился по дороге!

Видимо, Небеса на сей раз были благосклоннее к многострадальному журналисту. Лестница была пуста. Сидор выбрался на улицу. Тут его поджидала жуткая жара – впрочем, тело Юдифи не потело по каким-то непонятным причинам, может, она «Рексону» в генном ввела? – так вот, Сидор проскочил мимо мусорных баков и буквально нырнул в чрево кабриолета. Рука сама собой повернула ключ в зажигании, поворот руля – и машина буквально вылетела за ограду больницы. Сидор даже не успел махнуть окнам больницы рукой на прощанье.

Шестицилиндровый двигатель показывал все, на что способен. Навигационная система, явно не «ГЛОНАСС», направляла машину по оптимальному маршруту. Оставалось только следить за безопасностью движения.

К концу дня Сидор въехал в Калькутту и понял это лишь по тому, что постройки клошарного вида сменились супермаркетами и высотками спальных районов.

И тут зазвонил мобильный телефон, который доселе мирно лежал на приборной панели.

Сидор вздрогнул. Потом подумал, что от него не убудет, если он ответит на звонок. Мало ли что...

Он включил прием.

– Аллю?

– Привет, дорогая, – заговорил звучный баритон. – Как духи?

– Неподражаемы, – чужим голосом ответил Сидор, сам не понимая, почему должен был так ответить.

– Рад за тебя, – продолжал мужской голос. – Тебе всегда нравилась элитарная парфюмерия.

«Черт, – подумал Сидор. – Это, наверное, любовник Юдифи. Вот меня угораздило!»

А голос меж тем продолжал:

– Ты уже в Калькутте?

– Да.

– Задай новую программу навигатору. Улица Чениз-бай, семь. Там я буду тебя ждать.

– Отлично.

«Как я задам программу навигатору???»

– Надеюсь, милая, ты помнишь, что задавать новые параметры навигатору можно просто голосом.

– Конечно, дорогой.

«Ура!!!»

– Тогда жду тебя.

– Жди, жди.

И, только отключив телефон, Сидор осознал, что его собеседник да и он сам говорили на хинди.

Он произнес навигатору команду отправить машину на улицу Чениз-бай, семь. Отчаянно захотелось курить, хотя Сидор никогда не был пристрастен к этой привычке. Рука сама собой шлепнула по бардачку, и на сиденье упала пачка сигарет «Голуаз» и золотая зажигалка данхилл.

– Вот тебе и вот, – сказал Сидор. – Я еще и курю.

Он с наслаждением затянулся сигаретой.

Улица Чениз-бай, сплошь застроенная домами среднего класса, напоминала каменную кишку с проплешинами газонов. Трава на газонах была ломкая и пожелтелая, а дома давно требовали ремонта. Здесь, как и везде в Калькутте, роскошь и нищета мирно соседствовали и не переходили друг другу дорогу.

Дом номер семь оказался двухэтажным, из красного кирпича. Окна были затянуты органзой, на крылечке стояли фуксии в горшках.

Сидор остановил машину и застыл сам. Входить в дом? А вдруг это ловушка? А вдруг его незнакомый собеседник поймет, что Юдифь – не совсем Юдифь? И сделает что-нибудь членовредительское?

Тут открылась дверь особняка, и на пороге появилась индианка в пурпурном сари.

– Госпожа приехала! – воскликнула индианка, и Сидор понял, что ему надо выбираться из машины.

Он и сделал это – довольно неуклюже, надо сказать. Платье все время путалось под ногами, а каблуки норовили подвернуться и вообще сломаться.

– Как вы себя чувствуете, госпожа? – меж тем заботливо спрашивала индианка.

– Устал...а, – шепотом сказал Сидор.

– Прошу вас, госпожа, пожалуйста в дом.

Сидор «пожаловал».

Индианка провела его в большую светлую комнату с чрезвычайно изящной мебелью. В кресле из ротанга сидел мужчина, который показался чем-то знакомым Сидору.

– Дорогая! – Мужчина встал. – Как я рад тебя видеть в полном здравии! Обними же меня!

Сидор обнял. И тут мужчина прошептал ему на ухо:

– Я знаю, кто вы.

Сидор понял, что лицо Юдифи побледнело, как снятое молоко.

– Дорогая, ты устала с дороги! Идем в столовую. Рани уже приготовила чай. Твой любимый, травяной с ромашкой.

– Хорошо, – прошептал Сидор.

И тут в комнату вбежал зверек, чем-то напоминавший хорька.

– Наш мангуст рад тебя видеть, дорогая, – сказал мужчина. – Он переловил всех змей в округе.

– Умница, – похвалил Сидор вставшего на задние лапки мангуста, а в это время у него в голове всплыла как поплавок информация: «Мангуст малый (*Herpestes auripunctatus*), ареал обитания от Ирака до Индии и Малайзии, акклиматизирован в Вест-Индии, на Гавайских островах и островах Фиджи...»

Заглушая эту дурацкую информацию, Сидор сказал мангусту:

– Ах ты крошка!

– Ты помнишь, как его зовут? – пытливо спросил мужчина у Сидора, и тот автоматически ответил:

– Мганга.

– Верно. Ступай, Мганга. А мы идем в столовую.

В столовой они сели за стол и принялись пить прохладный, с нежным привкусом ананаса и ромашки чай. Индианка вышла, и никто не мог помешать разговору.

– Итак, Сидор, ведь вы же Сидор, верно?.. – спросил мужчина.

– Верно, – сказал Сидор.

– Я предполагал, что Юдифь обменяется с вами телом, мы часто это практикуем. Что ж, вы на свободе, но отнюдь не в безопасности. Но безопасность я вам обеспечу. Я повезу вас в Дели лично.

– Юдифь ничего мне не говорила об этом.

– Верно. Мы согласовали этот вопрос чуть позже, когда вы выехали, а Юдифь заменяла вас на больничном ложе.

– Что ж, не буду отказываться от вашей помощи. Я не представляю, как смог бы добраться до Дели один.

– Именно поэтому мы с Юдифь и разработали новый план. Сейчас вы отдохнете, примете ванну – вам ведь надо беречь это тело! – а потом Рани подаст ужин.

– Что ж, это было бы кстати.

Сидор напился чаю, посидел немного на террасе, пока Рани готовила ванну, поосматривался. Все было настолько мирно и тихо, что Сидор задался вопросом: а не брехня ли это все, насчет конца света-то? И потом, этот мальчик... Ну как может быть ребенок воплощением мирового зла?! Сидор всегда предполагал, что дети невинны по своей натуре, а тут такое...

– Госпожа, – появилась Рани и поклонилась. – Ваша ванна готова.

Ноги сами привели Сидора в ванную. Здесь он сбросил на пол запыленную одежду и погрузился в теплое блаженство из ароматической воды и густой пены. В глазах аж защипало слегка, до того много служанка развела в воде разных ароматических масел.

Сидор удобно устроился и задремал. Снилось ему просторная закатная степь с высоким ковылем. По этой степи двигался отряд конников. Впереди на гнедом коне скакал, по-видимому, предводитель с перевязанной бинтами головой, и в душе Сидора зазвучала песня:

Шел отряд по берегу, шел издалека,
Шел под красным знаменем командир полка.
Голова обвязана, кровь на рукаве.
След кровавый стелется по сырой траве.

Сидор открыл глаза. Возле ванны стоял давешний джентльмен. Абсолютно голый и с хорошей степенью эрекции.

С нашего журналиста мигом слетел сон. Он сжался под водой, притянул колени к высокой груди.

– Вы что? – возмущенно пискнул он джентльмену. – Вы же знаете, кто я!

– Это неважно. – Джентльмен уже влезал в ванну и даже не прикрывал, гад такой, свое обширное достоинство. – Сейчас ты в теле Юдифь. А мы с Юдифь давние друзья.

– Вот гадство!

– Никакое не гадство. А тебе, как журналисту, Сидор, полезно будет узнать, что испытывает женщина во время любовных игр.

– Всю воду расплескал...

– Рани подотрет. Иди к папочке, моя сладкая!

– Не пойду.

– Да ладно тебе кобениться. – Мужчина принялся ласкать новое тело Сидора в самых интимных местах. – Скажи еще, что тебе не нравится.

– Мм... – пробормотал Сидор. Предательское женское тело отзывалось на ласки целым букетом чувственных ощущений.

Любовник овладел телом мягко, но настойчиво, вода колыбалась в ванне, по комнате плыли головокружительные ароматы, и Сидор не смог противиться, поплыл по течению. В какую-то минуту их коитуса Сидор краем глаза заметил Рани. Она стояла на пороге ванной комнаты и снимала все происходящее на цифровую камеру. Это немного отрезвило журналиста.

– Для чего она нас снимает? – резко спросил Сидор у забалдевшего спутника.

– Кто? А, Рани! Она любит домашнее видео. Потом просматривает и ласкает себя. Ведь у нее никогда не будет партнера – она из касты неприкасаемых. Рани, не волнуйся, снимай, снимай.

– Нет, я не хочу, – возразил Сидор. – Распутники вы такие, Камасутры на вас нет! Что вы творите?! Прекратите немедленно!

Но ничего не прекратилось. Импровизированная оргия продолжалась до тех пор, пока не расплескалась последняя вода из ванны. Тогда любовник вытащил Сидора из ванны, завернул в широкое, как Ганг, полотенце и оттащил в спальню. Тут Сидор и уснул, пресыщенный оргазмами и оттого глубоко несчастный.

Сон его был тонок и неверен. Сидору все мерещились какие-то шаги, шепот, робкое дыхание, трели соловья... Несчастному, заточенному в теле красавицы, казалось, что вокруг падаст толпа сексуально озабоченных маньяков и жаждет этого самого тела.

– Как нелегко приходится быть женщиной, – пробормотал Сидор и проснулся.

Поначалу он не сообразил, где находится, а потом понял – в спальне Юдифи. Слава богам, у женщины и банного маньяка были отдельные спальни.

Сидор похлопал глазами, привыкая к темноте, разбавленной неясным свечением садовых фонарей. Он уже не хотел спать, хотя и дико устал. Видимо, от сочетания бессонницы и усталости все его чувства обострились. И когда откуда-то из-под кровати донеслось тихое шипение, Сидор чуть не подпрыгнул.

– Змея! – прошептал он, и ему показалось, что противомоскитный полог навис над ним погребальным саваном.

Это действительно была змея. Гигантская королевская кобра скользила по гладким плиткам пола, словно воплощенная смерть. Сидор понял, что сейчас его жизнь и закончится, но вдруг припомнил Киплинга. «Рикки-Тикки-Тави». Нужен храбрый мангуст, который одолеет проклятое зло.

– Мганга, – прошептал Сидор не громче дуновения ветра. – Мганга, сюда!

И Мганга явился. Не тратя времени на боевые стойки, храбрый маленький мангуст кинулся прямо на шею змее и вонзил в нее острые зубки. Змея зашипела и заерзала по полу, стараясь сбросить мангуста и укусить его. Но Мганга сидел на ней мертво и только все сильнее грыз шею. Прошло несколько томительных минут, Сидор с волнением наблюдал за битвой и только ахнул, когда отгрызенная голова змеи покатилась по полу, оставляя брызжащий кровавый след.

– Молодец, Мганга! – шепотом вскричал Сидор.

Обезглавленное тело змеи корчилось в муках. Глядя на этот кошмар, Сидор понял, что уже не уснет.

– Рани! – громко позвал он.

Служанка не замедлила явиться.

– Что угодно госпоже? – сонно пробормотала она и тут увидела труп змеи. Глаза ее широко распахнулись. – О милостивый Вишну!

– Рани, убери эту змею, – приказал Сидор. Как быстро он насобачился приказывать! – После чего вымой все тут.

– Да, госпожа.

– Я буду на террасе. Принеси мне туда кофе и что-нибудь почитать.

– Хорошо, госпожа.

Сидор вышел из комнаты и устроился на террасе в плетеном кресле. За окнами, затянутыми кисеей, шептала и вздыхала душная индийская ночь. Сидор задремал было, но тут чья-то рука легла на его обнаженное плечо. Ага, любовничек проснулся!

– Что, не спится, дорогая? – спросил любовничек.

– В мою комнату проникла королевская кобра, – спокойно сказал Сидор. – Тут уж не до сна.

Ласкающая рука замерла.

– Что, змея? – ахнул мужчина. – Вот дьявол!

– К счастью, появился Мганга. Он оторвал твари голову. Сейчас там Рани убирается.

Тут как раз на веранду явилась служанка. Она униженно кланялась.

– В чем дело, Рани? – спросил Сидор.

– Да не прогневается госпожа, но в комнате я не обнаружила никакой змеи!

– Куда же она делась? – удивился Сидор. – Я своими глазами видел, то есть видела эту тварь! И Мганга на нее напал.

– Мганги я тоже не обнаружила, – сказала Рани.

– Дьяволышка какая-то, – пробормотал Сидор. – Ладно, Рани, ступай приготовь мне кофе.

– И мне тоже кофе, – сказал любовник. – С корицей.

Рани ушла.

– Ничего не понимаю, – призадумался Сидор. – Змеи пропадают, причем с оторванной головой...

– Змею тоже могли наслать твои враги.

– Какие враги?! Нет у меня врагов!

– А «Тигры Кали»?

– Но откуда они могли узнать?..

– У них мощная сеть шпионов по всей Индии, и не только. Нам надо быть предельно осторожными. Поскорее бы ты добрался до Дели!

– Да уж.

– Ваш кофе. – На террасе появилась Рани с подносом, на котором исходили ароматом две крохотные чашечки кофе.

– Спасибо, Рани, – сказал Сидор, беря свою чашку. – Надеюсь, кофе не отравлен.

– Нет, в этом отношении ты можешь быть спокоен. Рани нам предана всей душой. Ступай, Рани.

Служанка ушла, а наша удивительная парочка пила кофе на террасе и ожидала жаркого рассвета.

Рассвет пришел и принес с собой новые заботы. Но Сидора волновало только одно: как они доберутся до Дели и что его ждет там, в столице. Встреча с загадочным ребенком? Битва? Смерть?

В девять часов утра они с любовником сели в машину. На сей раз это был «Мерседес Гелендваген» с кондиционером, голосовым управлением и даже автопилотом. Сидор сидел, пристегнувшись, рядом с шоферским сиденьем и наблюдал сквозь тонированные стекла за проносящимся мимо пейзажем. Ничего особенного – выжженные солнцем пальмы, многокилометровые помойки, бедняцкие кварталы...

Но по мере приближения к Дели пейзаж изменился. Точнее, в нем стало наблюдаться большое количество людей. Одеты в белые одежды, с цветами в руках и на голове, они шли все в одном направлении.

– Они идут к Мальчику, – сказал любовник. – Безмозглые рабы! Быдло!

– Зачем так, – поморщился Сидор. – Ведь это их выбор и их вера. Они не виноваты в том, что поклоняются злу.

– Интересная концепция, – усмехнулся его спутник. – Сразу ясно, что озвучил ее русский. Вы, русские, интересные люди.

– Чем же это мы интересны? – захотел уточнить Сидор.

Однако спутник не ответил. Он вел машину, виртуозно минуя запрудившую всю улицу толпу, и ему явно было не до разговоров.

Впереди замелькали богатые кварталы и физиономии охранников, смугло выделявшиеся на фоне остальных смиренных каст.

– Мы почти приехали, – сказал любовник. – Видишь тот дворец?

Это действительно был дворец, отдаленно напоминающий Тадж-Махал, но куда роскошнее.

– Этот дворец возвели для Мальчика всего за месяц, – сообщил гид Сидора. – Люди трудились и днем и ночью не покладая рук, не отвлекаясь даже, чтобы попить воды. Теперь ты видишь, как Мальчик овладел умами?

– Вижу. Но как мы к нему проберемся... через эту толпу? Нас же на части разорвут, если мы вздумаем пролезть без очереди!

– Не волнуйся, дорогая, – усмехнулся гид. – Нас уже ждут.

– Как это?

– Среди охраны Собхиты у нас есть свои люди. Все. Приехали. Выходи из машины, дорогая.

– Прекратите меня так называть!

– Уймись, Сидор. На нас смотрят.

Они вышли из машины и смешались с толпой. У Сидора на мгновение закружилась голова: от крепких ароматов тел целенаправленно идущих паломников. Однако среди толпы они пробыли недолго. Спутник Сидора увидел какого-то индийца в зеленой форме, обменялся с ним жестами, и вот уже они проникли за ограждение, отделились от прочих страждущих.

– Я проведу вас восточным коридором, – по-английски, с сильным акцентом сказал охранник.

– Отлично, – кивнул гид.

Они вошли в неприметные, облицованные неяркой мозаикой двери. Сидор с компанией оказался в нешироком, ярко освещенном коридоре с высоким потолком. На стенах мозаикой были выложены сцены, как он понял, из «Камасутры», с потолка свисали на длинных цепях изящные лампы, откуда-то доносился аромат неизвестных Сидору цветов. Все выглядело шикарно и празднично.

– Долго нам идти? – спросил Сидор у гида.

– Терпение, – с улыбкой поднял тот указательный палец. – Терпение – это добродетель.

– Ну конечно, – проворчал Сидор. – Тебя, гада, не волнует то, что я в чужом теле.

Любовничек сделал вид, что не слышал этой досадливой фразы.

Коридор вывел их в круглую, как антикварная табакерка, комнату. Здесь стены были обтянуты бархатом и парчой, так что казалось, будто это будуар какой-нибудь шаловливой леди.

– Вам надо переодеться, – сообщил охранник. – Свежее облачение сейчас принесут.

И точно, в комнату вошли две индианки с ворохом одежд. Сидор стыдливо переоделся в длинную белую рубаху с рукавами и парчовую накидку. Такой же наряд был и у любовника, хорошо, хоть тут их шансы сравнялись.

– Ну все, – сказал охранник. – Дальше пойдете сами.

И указал на занавешенный шторами дверной проем.

– Удачи, – добавил этот индеец им вслед.

Наша парочка распахнула двери и сделала первые шаги...

И оказалась в саду.

Во всяком случае, это место сильно напоминало райский сад. Для тех, кто в раю никогда не был.

Великолепный сад был весь в цвету деревьев, немного напоминавших сливы. Их ароматные лепестки медленно осыпались, но Сидор заметил, что на месте упавшего лепестка сразу же вырастал новый.

– Вечно цветущие сливы, – пояснил гид Сидора. – Вот они как выглядят, оказывается! Раньше я читал о них лишь в мифах. Идем, дорогая.

Они пошли под сенью белоснежных слив по дорожке с таким высоким ворсом, что ноги просто утопали, как в траве. Сидор то и дело осматривался, но не видел ничего, кроме цветущих деревьев. Правда, между ветками он заметил порхающих птиц. Они нежно пересвистывались друг с другом, их сказочное оперение переливалось всеми цветами радуги...

И неожиданно сад закончился. Они стояли перед огромным водоемом, облицованным мраморными плитками. В водоеме цвели красные лотосы, и воздух от их аромата и блеска казался розоватым. На другом берегу водоема стояла резная золоченая беседка с окнами, затянутыми кисеей. На кисее пестрели вышивки, соперничающие красотой и загадочностью с самыми знаменитыми абстрактными полотнами.

– Он там, в беседке, – сказал гид.

– Но как мы попадем туда?

– Здесь есть мост.

– Не вижу никакого моста.

– А я вижу. Сидор, ты не в своем теле, поэтому у тебя затуманено зрение. Идем.

Гид повел Сидора по невидимому мосту. Нашему бедному журналисту приходилось нелегко ступать по пустоте под ногами, но он справился. Они перешли на берег, где стояла беседка.

Сразу же около беседки возникло несколько странных крылатых типов в белых одеждах.

– Мы охраняем покой великого господина, – сказал один из крылатых. – Назовитесь и скажите, по какому вопросу вы осмелились беспокоить великого господина.

– Меня зовут Вишну, – представился гид. – Я врач-педиатр, а это моя жена Юдифь. Мы хотим поклониться великому господину и испросить у него благословения на наши труды.

– Господин никому не дает благословений, – сказал крылатый.

– Но, может, ради нас он сделает исключение? – искательно улыбнулся Вишну.

Повисло напряженное молчание. Крылатые охранники изучали гостей, а гости чувствовали себя крайне неуютно под их пронзительными голубыми взглядами.

– Пропустите их, – раздался за спинами гостей новый голос.

Вишну и Сидор обернулись и не смогли не склониться в почтительном поклоне. Перед ними стоял бог. Да, это был бог, вне всякого сомнения.

Его тело цвета грозовой тучи покрывали многочисленные искусные татуировки, отблескивающие золотом. На мощной шее бога висело три ожерелья: самое короткое – из живых цветов, среднее – из цветов золотых, а самое длинное – из человеческих черепов. Чресла бога были препоясаны чем-то вроде кольчужной юбки из золотых пластин. Каждая пластина содержала искусную гравировку. Лысую голову бога украшал венец, в котором чередовался орнамент из рогов и опять-таки человеческих черепов. Лицо небожителя было бесстрастным и прекрасным. Серебристые глаза изучающе смотрели на гостей, а длинный алый язык мерно облизывал пухлые блестящие губы.

– Так-так... – протянул бог. – Вишну, и с каких это пор ты подался в педиатры?

– С тех самых пор, как ты подался в педагоги, о Мара.

«Мара! – мысленно ахнул Сидор. – Бог зла и смерти! Что он делает здесь? А Вишну?.. Это что же, мой любовник – сам бог Вишну?»

– Хороший ответ, Вишну, – рассмеялся Мара. – Ты всегда был остроумен. Кто это с тобой?

– Моя жена.

– Променял на нее Кали?

– О, прошу тебя, не упоминай при мне имя этой роковой женщины, – усмехнулся и Вишну. – У всех есть маленькие слабости. Моя слабость – эта смертная женщина. Правда ведь, она красива?

– Да, красива. Я с удовольствием украсил бы ее головой один из своих боевых шлемов.

– Хорошо, позднее мы обсудим это. А сейчас, о Мара, позволь нам войти и припасть к стопам великого Собхиты.

– Что ж, войдите и припадите. А я за вами. Я кое-что принес своему питомцу в дар.

И впрямь за спиной у Мары висел плотно набитый заплечный мешок.

Наконец они вошли в беседку. Центр ее занимал большой стол с фонтаном посередине. Из фонтана била вверх струя алмазно сверкающей воды. Вокруг стола стояли лавки, накрытые парчой и роскошными мехами. Но главным конечно же был трон. Золотой резной трон под сенью тончайшей ткани с вытканными на ней звездами.

Трон был пуст. Сидор, он же Юдифь, нервно огляделся вокруг.

– Где же великий господин? – спросил Вишну у Мары.

– Наверное, он читает, – предположил коварный бог. – Или играет с глобусом. Глобус – это его любимое развлечение. Собхита, о Собхита! Снизойди своими лучезарными стопами до нас, грешных! Где ты, мальчик?

– Я здесь, – послышался чистый детский голосок.

Все трое заглянули за спинку трона и увидели потрясающей красоты двухлетнего мальчика, который сидел на ковре и медленно поворачивал стоявший перед ним большой лакированный глобус.

Сидор во все глаза смотрел на ребенка, ставшего Повелителем Мира. Собхита был очаровательно юн и нежен. Его личико не омрачалось никакой каверзой, свойственной детям его возраста, глаза были чисты и невинны. Соразмерно сложенное тело украшала белая рубашка до пят, расшитая диковинными цветами и зверями. На голове мальчика был выступ Будды – ушниша и венец из крупных алмазов. Но крылья мальчика, крылья из тысячи тысяч золотых перьев сияли куда ярче этих алмазов.

– Что ты нашел на глобусе на сей раз, Собхита? – спросил Мара.

– Никарагуа, – сказал Собхита.

– И что там случится? – улыбнулся Мара.

– Я думаю, эпидемия оспы, – промолвил чудо-мальчик и хлопнул в ладоши.

– Замечательно! – просиял Мара. – А теперь познакомься с моими гостями – это бог Вишну и его новая жена.

– Приятно познакомиться. – Мальчик встал и улыбнулся.

И тут впервые Сидор узрел его клыки. Клыки волка, вампира, клыки безжалостного убийцы.

– Взойди на трон, Собхита, чтобы твои гости смогли воздать тебе подобающие почести.

– У-у, – невесело промычал Собхита. – Трон – это так скучно! Давайте лучше выйдем из беседки и поболтаем.

– Нет, Собхита, – мягко, но настойчиво сказал Мара. – Ты должен блюсти себя. Уважай свой сан, и его будут уважать другие. А твой сан высок.

– Выше бога?

Мара едва слышно вздохнул и кивнул:

– Выше бога.

– Хорошо. Тогда я сяду на трон, – обаятельно улыбнулся малыш.

Снова эти клыки!

Собхита оставил в покое глобус (неизвестно, сколько стран было этим спасено) и взобрался на престол. Поболтал короткими, не достающими до пола ножонками в шелковых штанишках. Взял одной рукой небольшой золотой скипетр.

– Ну вот, – сказал мальчик. – Теперь я готов принять гостей.

– Смиранный бог Вишну кланяется тебе, о Собхита, – произнес любовник и поклонился. – А это моя жена Юдифь. Она молчит, ибо в присутствии высшего женщинам положено молчать. Поклонись, женщина.

Сидор молча поклонился, прижав руки к груди. Мара наблюдал за ними внимательным взглядом из-под полуопущенных густых ресниц.

– Побудьте со мною, – предложил им Собхита. – Посмотрите, как я принимаю народ. Это очень интересно. Я люблю людей. Их кровь такая вкусная!

Сидор едва справился с подступившей к горлу тошнотой.

«Он пьет человеческую кровь! О боже!»

Гости сели на лавку, Мара пристроился за тронем мальчика, как и положено воспитателю.

– Повелеваю войти просителю! – громко и совсем не по-детски приказал Собхита.

Где-то хлопнули двери, и через некоторое время на пороге беседки появился смуглый человек в длинной рубахе и тюрбане. Человек держал безжизненное тельце малого дитяти.

– О великий, превышший всех богов! – воскликнул проситель и пал на колени. – Прости мои очи за то, что смеют лицезреть тебя!

– Прощаю, – милостиво сказал Собхита. – Чего ты хочешь, человеке?

– О превышший, моя единственная дочь умерла, и больше у меня не может быть детей. Горе мне, горе! Молю тебя, о господин, верни моей дочери жизнь, ибо и жизнь и смерть в твоей власти.

– Это твоя дочь? – спросил Собхита, указывая пальчиком на тельце ребенка.

– Да, о господин.

– Поднеси ее поближе, я хочу посмотреть на нее.

Несчастный на коленях подполз к трону. Сердце Сидора содрогнулось от жалости. Если Собхита сумеет воскресить девочку, он воистину велик и Сидор не посмеет с ним сразиться. Кто он такой, Сидор Акашкин, чтобы противостоять небесной силе и небесной правде?!

Проситель положил мертвого ребенка у ног Собхиты. Тот внимательно посмотрел на девочку.

– Она красива, – сказал он. – Она достойна жизни. Я дарю ей жизнь.

Собхита звонко хлопнул в ладоши. Меж его ладоней проскочила золотая молния и низринулась в тело девочки. Ребенка окутало золотое сияние, а когда оно исчезло, девочка шевельнулась и чихнула.

– К моей дочери вернулась жизнь! – вскричал ошарашенный отец. – Слава тебе, податель жизни! Слава тебе, победитель смерти!

Отец хотел взять свою дочь на руки, но тут Мара остановил его движением ладони:

– погоди, земнорожденный.

Проситель в замешательстве уставился на Мару:

– Да, о повелитель?

– Разве ты не знаешь, смертный, – заговорил Мара, – что за все милости, дарованные тебе, надо благодарить?

– Да, понимаю, о повелитель.

– Тогда отблагодари великого господина. Дай ему своей крови.

- Хорошо, о господин.
- Приблизься и протяни правую руку, – приказал человеку Мара.
- Лучше левую, – поправил его Собхита.
- Да, лучше левую.

Как очарованный, человек приблизился к трону и протянул двухлетнему мальчику свою левую руку. На запястье пульсировала тоненькая жилка. Неожиданно заплакала девочка.

- Не мешкай, – сказал Собхита. – Твой ребенок ждет тебя.

С этими словами он впился в запястье несчастного. От мерзких сосущих и чавкающих звуков Сидору чуть не стало дурно. Лишь благодаря поддержке Вишну он держался на ногах.

Собхита насытился быстро. Он отпустил бледную и пошатывающуюся жертву со словами:

- Теперь на тебе пребывает моя милость, и в последний день ты выживешь.
- А моя дочь? – пискнул несчастный.
- И она тоже, – великодушно махнул рукой Мара.

Посетителя с дочерью увели крылатые охранники.

Потом пошел целый поток калек и увечных, они все выпрашивали у Собхиты исцеления. И Собхита исцелял их, взамен беря с каждого виру в виде крови. С каждой выпитой каплей он становился сильнее и лучезарнее, и Сидор с болью в груди понял, что ему никогда не одолеть этого мальчишку. Для того чтобы победить зло, надо быть богом. А богом Сидор не был. Он вообще теперь не знал, кто он.

Прошло некоторое время. День, по-видимому, клонился к закату, но поток просителей не оскудевал. Наконец Мара сказал крылатым охранникам:

- На сегодня всё. Скажите жаждущим, что великий господин удалился на молитву.

– Какую молитву? – тихо удивился Сидор. Разве богу нужно молиться кому-то, кроме себя самого?

– Я читаю молитву о спасении и воссоединении моих дражайших родителей – моей матери Лалит и моего отца Леканта Светозарного.

Эти имена Сидору ни о чем не говорили.

Меж тем в беседке на столе разложили молитвенные принадлежности, и Собхита вознес долгую, проникновенную молитву своим родителям. Сидор глядел на ребенка и не понимал, как это все: чудеса, добро, зло и смерть – может уживаться в нем.

Когда молитва была окончена, Мара вышел из-за спинки трона и, преклонив одно колено, сказал Собхите:

- Мой славный господин, позволь преподнести тебе скромный подарок.

Собхита захлопал в ладоши (меж ними засверкали молнии):

- Я люблю подарки, учитель!

Мара снял с плеча свой мешок и опустил его на мраморный пол. Развязал. По беседке распространился густой, какой-то медный запах. Сидор вдруг понял, что это за запах. Так пахнет кровь.

– Я принес тебе члены твоего врага, о Собхита, – сказал Мара и с этими словами вытащил из мешка голову... Сидора Акашкина.

«О боже, – в отчаянии подумал Сидор. – Ведь это же моя голова!»

Но это было еще не все. Мара вытащил кисти рук, приговаривая, что теперь этим рукам никогда не взять меча и не выступить против великого Собхиты. Точно так же он вытащил ступни ног («Этим ногам никогда не приблизиться к тебе, о Собхита!»). Последними шли гениталии. Их Мара демонстрировал с особым сарказмом, подчеркивая то, что Сидор был оскотен.

– С телом твоего врага я разобрался, – сказал Мара Собхите. – Осталось только покорить его душу.

– Не понимаю, – приподнял бровку мальчик.

– В теле твоего врага пребывала душа какой-то женщины. Я отпустил ее в Бардо, ибо она бессильна что-либо сделать против нас. Но душу твоей жены, Вишну, я не отпущу. Потому что знаю, чья она.

С этими словами Мара вытащил из заплечных ножен острейший клинок.

– Нет, Мара, ты этого не сделаешь! – крикнул Вишну, загоразивая собой несчастного Сидора и формируя в ладонях плазмOID.

– Еще как сделаю, – ухмыльнулся бог.

Меч и плазмOID сшиблись в воздухе. Во все стороны сыпанули золотые искры. Вишну и Мара бились, Сидор в теле Юдифи беззвучно рыдал – он больше никогда не вернется в свое тело, тела нет!!! – а беспечный Собхита лишь наблюдал за развернувшимся действием.

– Учитель! – воскликнул он, когда зрелище битвы уже начало ему приедаться. – В теле этой женщины скрыта душа моего врага, ведь так?

– Да, Собхита, – бросил Мара, отражая очередной удар Вишну.

– Так пусть его душа сразится со мной! Это так интересно!

– Сидор, не смей! – вскричал Вишну. – Ты сейчас не сможешь! Мы должны отступить!

– Куда вы отступите, – веселился Мара. – Я вас везде найду!

– Не найдешь, – пробормотал Вишну и ладонью словно размыл пространство перед собой и Сидором.

В этом размыве густо собиралась тьма.

– Сидор, туда! – крикнул Вишну, одной рукой толкая Сидора во тьму, а другой отражая выпад Мары.

Сидор влетел во тьму с разбега, словно в озеро. Не удержался на ногах, упал, разрывая платье. Обернулся – размыв закрылся, кругом темень, хоть глаз коли. Значит, Вишну за ним не пошел, до сих пор сражается...

– Где я? – прошептал Сидор.

Он приподнялся и сел, опираясь руками о землю? Камень? Или что-то еще?

Огляделся – темно и глухо, как в танке, хотя в танке Сидор в силу своей профессии никогда не был.

– Где я? – погромче сказал Сидор на русском.

И тут его прошиб пот, потому что тьма на чистейшем русском ответила вопросом на вопрос:

– Русский? Это откуда ты у нас?

Неожиданно вспыхнул свет. Неяркий, приглушенный, он исходил от одинокой электролампочки, висящей под потолком небольшой, как показалось Сидору, комнаты.

Сидор завертел головой. Он сидел на полу небольшой, повторяемся, комнаты с голыми, неприветливыми стенами. Окон не было, дверей тоже. Зато был стол с парой стульев. За столом сидела во всех отношениях странная личность. Сидор, когда разглядел ее, перепугался до смерти: змеиное тело, паучьи конечности, на человеческом лице вместо челюстей жвалы, огромные фасеточные глаза, с интересом глядящие на гостя.

– Ты кто, женщина? – по-русски спросило существо.

– Я, э-э, не совсем женщина. Я мужчина в теле женщины, – робко ответил Сидор, уstraшенный видом существа.

– А имя у тебя есть? Или ты безымянным умер?

– Я не умер! Я переместился. А зовут меня Сидор Акашкин.

– Как? Сидор Акашкин?! Точно? Из Щедрого?

– Да.

– Сто раkшасов тебе в пуп! Это ж надо как встретились! Земеля!

– А вы что, тоже из Щедрого?

– Само собой! Ты небось думаешь – и где же это в Щедром такая страсть проживала? Объясняю: этот мой вид – боевая трансформация, потому что тут приходится постоянно с кем-нибудь сражаться. С ракшасами, асурами, дэвами. Много всякой нечисти. А зовут меня Анна Николаевна Гюллинг, если тебе о чем-нибудь говорит это имя.

– Конечно, говорит! Господи! Я ведь про вас столько статей написал!

– Не очень-то хороших, надо признать. Вообще как журналист ты, Сидор, так себе.

– Я признаю, – махнул рукой пораженный Сидор. С чудовищем, да еще Анной Николаевной Гюллинг, следовало соглашаться.

– Но объясни мне, дражайший Сидор, каким образом тебя в женское тело занесло?

Сидор рассказал все без утайки. И как книгу волшебных предсказаний на чердаке у бабки нашел, и как стал автором супербестселлера, и как его объявили мессией, способным победить Делийского Мальчика...

При упоминании о Собхите жвалы чудища безвольно повисли. Потом Анна Николаевна стукнула когтем о столешницу:

– Ах, как ошибалась я с этим мальчиком, Сидор! Я думала, если дать ему надлежащее воспитание и образование, зло, имевшееся в нем, уйдет само собой. Нет! Не получилось! Мара забрал у меня Собхиту и вот что из него сделал! Негодяя! Убийцу! Обманщика!

– А разве этот мальчик был у вас? – пришел черед изумляться Сидору.

– Да, – блеснула фасеточными глазами Анна Николаевна. – Я нашла его в параллельном пространстве, попыталась воспитать, развить, образовать, но все тщетно. За мальчиком пришел Мара, и я не смогла ему противостоять. Но моя судьба еще не кончена. Я здесь коплю силы, чтобы выйти в последний день и стать на стороне противников Собхиты.

– А где это «здесь»? – поймал мысль за кончик Сидор.

– Разве ты еще не понял, где находишься? В Бардо. Мире умерших, мире блуждающих мыслеформ и душ. Мире грез и фантазий.

– Так вот оно какое – Бардо, – изумился Сидор. – Могли бы хоть лампочки вкрутить получше.

– Сидор, ты не понял. Лампочки нет. Нет стола и этой комнаты. Это только пересечение моих и твоих мыслеформ.

– А что же есть?

– Пустота. Печаль.

Сидор поразмыслил над этим и представил канарейку в клетке. Как эта клетка стоит на столе и в ней порхает пташка. Через минуту на столе действительно стояла позолоченная клетка, и в ней пела канарейка.

– Твоя фантазия? – раздвинула жвалы Анна Николаевна.

– Ага.

– Мило. Способный ты парень, Сидор, даром что журналист. У меня так не получается. Лампочка в шестьдесят ватт – мой потолок.

– Да ладно вам, не скромничайте, Анна Николаевна! А для чего вы здесь, в Бардо? Или вы умерли?

– Помилуй бог, я жива, Сидор. Я здесь выполняю особую работу.

– Это какую же?

– А вот послушай...

И Анна Николаевна Гюллинг рассказала Сидору потрясающую историю.

– Жила-была на свете девочка по имени Лиза Камышева. Жила она в городе Щедром, и главным ее недостатком было нежное пристрастие к наркотикам. Дожив без горя и трудов до двадцати пяти годов, Лиза умерла от СПИДа. Но ее родители, любящие и безобидные, заказали

посмертное восстановление Лизы. И не какому-нибудь посредственному реаниматору, а самой великой ведьме – Юлии Ветровой.

– Губернатору? – пискнул Сидор.

– В то время Юля не была еще губернатором, подвизалась в роли простой ведьмы провинциального масштаба. Ну вот. Юля восставила Лизу, даровав ей аналог человеческой жизни. И Лиза, пропащая душа, стала «жить». Надо сказать, существовала она очень активно, была музейным работником, писала диссертацию, а однажды взяла и выкопала в Водопьяновском парке гробницу весьма древнего вида. Лиза тайком притащила гробницу в музей и выяснила, что в ней лежит скелет. Лизе в видениях этот скелет представал прекрасным мужчиной, и немудрено, что она в него влюбилась. Ее видения сказали ей, как оживить скелет, как вернуть ему плоть, и при помощи крови Лиза сотворила чудо. Скелет стал по виду человеком. Но человеком он не был, он был дхианом – существом более духовным, нежели плотским, владеющим древней волшебной силой. Имя ему – Лекант Азимандийский, хранитель Пути к Древу Дара.

– А что это значит?

– Это значит, что когда-то Лекант охранял подступы к Древу, дарующему способности, таланты и самую жизнь. Но его возлюбленная, дхиан Лалит, вызвала его на поединок за право охранять Древо и победила его. Именно Лалит заточила Леканта в гробницу на многие тысячелетия. Теперь же, когда Лекант ожил, Лалит снова принялась охотиться за ним и за Лизой. На сей раз в планах Лалит было зачатие ребенка от Леканта.

– Зачем ей понадобился ребенок?

– Этот ребенок и есть Собхита, Сидор. Эквивалент мирового зла, причина будущего падения цивилизации и так далее. Про катастрофу двадцать один двенадцать ты уже слышал?

– Конечно.

– Вот. Собхита – эпицентр этой катастрофы. От него исходит зло. Как электромагнитные волны от приемника. В чем именно будет заключаться катастрофа, мы не знаем, знаем только, что за ней грядет полномасштабный конец света. И нам его уже не предотвратить.

– Погодите, а как же Христос? Как же Откровение Иоанна Богослова?

– Сидор, Собхита есть предтеча Антихриста. Больше я ничего не знаю. Но мы отвлеклись. Я хотела тебе дорассказать историю Леканта и Лизы.

– Да, да, конечно.

– Лекант пал с Лалит, и она зачала от него. После чего удалилась от дел, дабы вынашивать ребенка. Лекант очень страдал. И в один ужасный день он ушел от Лизы, чтобы найти Лалит и разделаться с собственным ребенком. Лиза осталась одна... Я не могу тебе передать всей боли, которую она испытывала, когда Лекант покинул ее. Ведь она по-настоящему любила его. Так она прожила два года. И однажды отец попросил ее сходить на заседание общества «Свободная Россия».

– Знаю я это щедровское общество. У него леворадикальные взгляды.

– Вот-вот. Всё хотят очистить Щедрый от ведьм, вампиров и прочей так называемой нечисти. Но вернемся к Лизе. Она выполнила просьбу папы и пошла поскучать на заседание. И тут она встретила некоего Владимира Логинова, весьма импозантного молодого лемурийца.

– Кого?

– Обитателя протоконтинента Лемурия, который множество тысячелетий назад погрузился в вулканическую лаву.

– А чем лемуриец отличается от человека?

– Внешне только хвостом. Хвосты у них роскошные – полосатые. Таким хвостом лемурийцы наводят иллюзии на людей. Владимир, например, наводил иллюзии на членов «Свободной России», притворяясь обычным человеком. А на деле он раскапывал за «Свободной Россией» неблагоприятные делишки.

В Сидоре проснулся журналистский зуд.

– Это какие делишки?

– Ну, например, свободнороссы на словах чураются магии, а на деле наняли колдуна, чтобы он устроил над Щедрым засуху. Жаркое лето помнишь? Это все колдун. К тому же средства на свои делишки свободнороссы получали чуть ли не от «Свидетелей Иеговы» и мормонов. Вот так-то!

– Черт! И у меня нет диктофона, чтобы все это записать!

– А к чему, Сидор. Скоро конец света. И никакие свободнороссы не выживут.

– Значит, и мы не выживем?

– А вот это вопрос, – сказала Анна Николаевна. – Мы не на Земле. Мы в другом духовном измерении. И есть шанс, что мы уцелеем.

Сидор воодушевился:

– Ну и что там дальше было с Лизой и Владимиром?

– Довольно просто. Владимир влюбился в нашу девочку с первого взгляда. И не стал напускать на нее иллюзию, предстал лемурийцем. А лемурийцы, надо сказать, сильное племя. Обладают телепатией, психокинезом, левитацией. Но есть у них одна слабость. Если лемуриец полюбит кого-нибудь – серьезно, по-настоящему полюбит, – то он попадает в полную зависимость от любимого человека.

– То есть?

– Например, лемуриец и его возлюбленная не могут в буквальном смысле отойти друг от друга: им делается плохо, они могут даже впасть в кому.

– И умереть?

– Лемурийцы бессмертны. Кома для них – предел неприятностей. А вот человек умереть может.

– Не очень-то приятно это осознавать.

– Ладно, об этом позже. Влюбился Володька в нашу Лизу и влюбился. А надо сказать, что она к тому времени уже не была умертвием. Чудо Божье свершилось – она получила назад свою бессмертную душу и стала простым, обычным человеком. И тоже полюбила Влада.

– Но она же любила Леканта! Сердце красавицы склонно к измене, да?

– Нет, дело тут не в измене. Она действительно любила Леканта. Но он сам, своей силой стер тот участок Лизиной памяти, в котором она помнила о нем и о своей любви к нему. Лиза забыла Леканта. Мало того. Лекант вложил в сознание лемурийца то, что он должен полюбить именно Лизу. Дхианы и на такое способны. Оставив Лизу в хороших, так сказать, руках, Лекант отправился на поиски Лалит и своего сына. Лалит он нашел – она оказалась в Шамбале. А вот сына она спрятала надежно. На перекрестке миров. Этот узел пространства находился в доме моего родственника, Валерия Алейникова. Я отправила Валерия и его дочь в Тибет, а сама стала заниматься поисками узла. И нашла его. Нашла мальчика. Я взяла его на воспитание, надеясь, что из Черного Будды он станет Буддой грядущего, Буддой Майтрейей. Ох, опять я отвлеклась от Лизы. Так вот. Лиза и Влад поженились, Лиза забеременела. Но тут до Лизы добралась Лалит. Она похитила девушку и спрятала ее здесь, в Бардо, на одном из мыслеуровней. Потеряв Лизу, Влад впал в кому, но, слава богам, у него было много друзей. При помощи мощного экстрасенса мы отделили легкое тело Влада от плотного и отправили его в Бардо, искать Лизу, сражаться за нее с Лалит.

– И где теперь Владимир?

– Увы, этого я не знаю. Надо смотреть по Дворцам.

– Каким Дворцам?

– Каждый мыслеуровень Бардо имеет Дворец определенного цвета и резонанса. Там испытываются души умерших на предмет их праведности. Там души сторожат демоны и асуры, стараясь запугать душу и лишить ее молитвы к Милостивому. Мы находимся в области зеленого Дворца – области испытания за дурные мысли.

– Хорошо, Анна Николаевна, а вы как сюда попали?

– Ох, Сидор... Всё по моей глупости и неосмотрительности. Видишь ли, я взяла Собхиту на воспитание. Я старалась привить ему общечеловеческие ценности, сделать его добрым и милосердным. Но однажды Лекант нашел сына и явился за ним. Но не только Лекант сражался за Собхиту. Лалит, мать мальчика, послала бога-демона Мару, чтобы тот похитил ребенка и водворил его царем в Индии. Я сразилась с Марой, но, увы, он победил. Он почти убил меня, но явился милостивый Будда и исцелил мои раны. И я отправилась в Бардо.

– Почему не в Индию, за Собхитой?

– Там и без того много душ. А о Лизе и Владимире все забыли. Я здесь для того, чтобы помочь им обрести друг друга и защитить их от Лалит.

– Это все, конечно, замечательно, но кто мне вернет мое тело?

– О, дружок, о теле забудь. Теперь ты обеспечен этим носителем. Будь женщиной, Сидор. Так ты сможешь добиться от жизни большего.

– Почему вы так думаете?

– Потому что я женщина, – комично развела в стороны суставчатые конечности Анна Николаевна. – Ну что, теперь пойдем во Дворец? Увидишь еще одну мыслеформу.

– А что там, во Дворце?

– Отдых, размышления, медитации. Ты отдохнешь, наберешься сил, а я предамся медитации, чтобы вновь попробовать обнаружить Лизу и Влада.

– Хорошо. Идемте.

Анна Николаевна сползла со стула и засеменила на сорока блестящих ножках к серой стене.

– Где же дверь? – удивился Сидор.

– Увидишь, – отмахнулась лапкой Анна Николаевна. Ее фасеточные глаза возбужденно поблескивали.

И действительно, по стене поползла черная бороздка, очертившая узкий прямоугольник. Анна Николаевна толкнула прямоугольник лапой. Он упал со звуком, который издает упавший лист плотного картона.

Наши герои вышли. Перед ними простиралось поле, залитое тусклым зеленоватым светом. Посреди поля возвышалось сооружение, напоминавшее мечеть.

– А почему дворец похож на мечеть? – немедленно спросил Сидор.

– Да потому, что я так себе его вообразила, – откликнулась мадам Гюллинг. – Сама не знаю, с какого бодуна.

Сидор усмехнулся. Даже в паучье-тараканьем облике мадам Гюллинг не утратила чувства юмора.

Они стали спускаться в долину, ко Дворцу. На пути им попадались всяческие фантомы, страшные и не очень, про них Анна Николаевна сказала, что это все их собственные воплотившиеся страхи.

Наконец они вошли в псевдомечеть. Тут отовсюду струился зеленый свет, он успокаивал, рассеивал страхи. Мадам Гюллинг предложила Сидору для отдыха роскошное ложе, сама же, очертив вокруг себя окружность, села в медитативную позу. Выглядела она в этой позе жутковато, поэтому Сидор отвернулся, накрылся зеленым одеялом и постарался задремать. Усталость и шок сковывали все его члены. Глаза его закрылись, дыхание выровнялось.

Снилось бедному Сидору Акашкину, что он – девица. Очень благочестивая девица, много думающая о религии и всячески творящая добрые дела. И вот посватался к Сидору-девице весьма богатый человек. А Сидор-девица мечтал стать монахиней. И вот в самый день свадьбы невеста сбежала, оставив жениху кольцо и переодевшись в рубище. Ушла она в пустыню, где трудно выжить, ела акриды и славилась Богом. Так прошло немало лет. Девица достигла святости и могла творить чудеса. И был ей глас от Бога, повелевший вернуться домой,

но жить там тайно, под чужим именем. Девушка вернулась домой и жила в хлеву, как нищенка, питаясь со свиньями из одной кормушки.

Так прошли годы, девушка представилась, душа ее отлетела к Богу. Когда же стали обмывать тело, старая кормилица девушки признала ее по родинке. И поняли все, кто была эта нищенка, да уж было поздно.

Сидор досмотрел печальный сон, повернулся на другой бок, надеясь увидеть что-нибудь повеселее, но тут услышал голос, зовущий его:

– Сидор, эй Сидор, проснись!

Сидор распахнул глаза. Над ним нависал зеленый балдахин кровати. Он приподнял голову – рядом стояла кошмарная Анна Николаевна и улыбалась во все жвалы.

– Что случилось? – хрипло спросил ее Сидор.

– Я нашла его, – торжественно сказала Анна Николаевна.

– Кого?

– Сидор, очнись ты наконец! Я Владимира нашла.

– И где он?

– У Золотого озера забвения. Нехорошее место. Но нам придется идти.

Сидор выпутался из объятий постели и встал. Голова слегка кружилась.

– А почему это нехорошее место? – поинтересовался он.

– Потому что правит им дэва Луны.

– Дэва?

– Нет, дэва. Не очень симпатичное чудовище. Она окунает души людей в озеро, и те всё забывают. Готовы к рождению в новом облике.

– А если она уже того, окунула Владимира в это озеро?

– Будем надеяться, что нет. Ведь Владимир не человек. С ним ей придется побороться. Времени нет. Идем.

Они вышли из зеленого Дворца и направились по узенькой, едва приметной тропке меж довольно неприветливых скал. Над скалами стояло багровое сияние.

– Это скалы последнего заката, – пояснила Сидору мадам Гюллинг. – Они напоминают людским душам, как все недолговечно в колесе перерождений.

Наконец они пришли к озеру. Вода в нем действительно была золотой и сверкала так, что глазам было больно. На краю озера стоял небольшой чайный павильон. В павильоне сидели двое. Мужчина и женщина.

– Смотри, Сидор, – отчего-то зашептала Анна Николаевна. – Мужчина – это Владимир, точнее, его ментальное тело. А женщина – дэва.

– Она красивая.

– А ты думаешь, что зло всегда уродливо? Дурачок. Подойдем поближе, узнаем, что они делают.

Они подошли и увидели, что дэва и лемуриец заняты весьма поэтическим делом – они играли в шахматы.

– Ты умеешь играть в шахматы, Сидор? – спросила Анна Николаевна.

– Вы что, смеетесь? Откуда?

– Понятно. И это цвет современной журналистики! Хорошо, хоть я занималась в кружке юных шахматистов имени Гарри Каспарова.

– И что вы видите?

– Владимир разыгрывает сицилианскую защиту. Но дэва, похоже, ответила ему коварством. Вот они сидят и думают...

Пара действительно замерла, склонившись над шахматной доской. Сидор оглядел их. Владимир был бледен и очень красив. В алой ветровке и черных джинсах он смотрелся бесподобно, и женское начало Сидора поспешило это признать. Мужское же начало всеми феромо-

нами устремилось к злобной и коварной дэве. Для злобной и коварной она здорово выглядела. Стройная фигура, точеные черты лица, густые черные ресницы, пухлые алые губы, нежный румянец – в общем, полный набор дамских прелестей. Одно только напрягало в этой красоте: из-под длинного платья торчал скорпионий хвост с весьма недвусмысленным жалом.

– Долго думаешь, смертный, – на тибетском языке сказала дэва. – Пора сделать ход.

– Я не смертен, – спокойно отозвался Владимир и двинул вперед фигуру (Сидор не разглядел какую).

– Ах, извини, я и забыла, что ты у нас представитель вымершего континента.

– Не вымершего, а ушедшего под лаву. Две большие разницы.

– Слушай, лемуриец, что ты все время к словам цепляешься? То ему не так, это не этак.

Делай ход.

– Ты невнимательна, дэва. Я только что сделал ход. Тебе шах.

– Тысяча ракшасов! Ты обжулил меня!

– Смотри сама – не мог я тебя обжудить. Мы не люди, чтоб жульничать.

Дэва разъярилась и смешала на доске фигуры.

– Игра окончена, – объявила она.

– Но ты проиграла, дэва.

– Пошел в Шамбалу! Не было проигрыша!

– Ты яришься, а между тем вынуждена сдержать свое слово. Ведь ты поклялась, что, если я выиграю, ты выпустишь меня из своего плена.

– Я передумала!

– Тогда я вызываю тебя на поединок.

Дэва вскочила и повела скорпионьим хвостом:

– Хочешь лишиться головы? Лишишься.

– Я хочу знать, зачем я здесь.

– А вот это я могу объяснить! – вклинилась в беседу Анна Николаевна, посверкивая хитиновым брюшком.

– Кто ты? – встала в боевую стойку дэва. – Что делаешь в моих владениях?

– Мое имя тебе ничего не скажет, повелительница ночи.

– Подождите, – поднял руку Владимир. – Я узнал вас, Анна Николаевна, даже в таком облике.

– Рада тебя видеть, Володька.

– Анна Николаевна, объясните, где я и что я. Со мной происходит что-то странное. Я вдруг попал в длинный тоннель, полный света, а потом бродил по каким-то полям с заброшенными мельницами, а потом – встретил вот ее. Она убеждает меня на ней жениться.

– Никак не получится, – авторитетно заявила Анна Николаевна. – Потому что ты, Вольдемар, давно и счастливо женатый человек. Ой, то есть лемуриец.

– Как зовут мою жену?

– Лиза.

– Я что-то припоминаю. Кулон... Восход на крыше... Я ведь по профессии зубной врач. Я вспомнил! Я Лизе зубы лечил, я вспомнил ее!

– Замечательно, – сказала Анна Николаевна. – А как впал в кому, когда Лизу у тебя похитили, не помнишь?

– Погодите, что-то такое вспоминается. Я встретился со своим другом-психиатром, Лиза в это время спала, свой кулон Жизни я оставил рядом с нею... А когда вернулся, Лиза и кулон исчезли.

– И ты впал в кому. Знаешь, где ты сейчас?

– Нет.

– В Бардо. Твое физическое тело лежит в больнице города Щедрого, а его ментальный слепок, то есть ты, путешествует по Бардо.

– Но зачем?

– Чтобы отыскать жену, разумеется. Ведь ты же вспомнил, что ее похитили. Ее забрала Лалит – дхиан Хаоса. И значит, наша задача – найти в Бардо резиденцию Лалит и освободить Лизу. Но я вижу, Вольдемар, освободить придется сначала тебя. Попал ты в шаловливые лапки этой дэвы, придется поторговаться, предложить ей за тебя что-нибудь этакое.

– У меня все есть, – немедленно отозвалась дэва, – так что даже и не напрягайтесь.

– А «Кохинор»?

– Какой такой «Кохинор»? Что ты мне, швабра беспритычная, мозги пудришь?

– «Кохинор» – это бриллиант, приносящий несчастье, – терпеливо объяснила Анна Николаевна, с трудом проглотив «швабру беспритычную». – Если владеешь этим бриллиантом, можешь насыпать любые несчастья на кого угодно когда угодно где угодно. Мало того. «Кохинор» может менять грядущее по твоему усмотрению. Ну как?

– Неплохо. Но не будешь же ты, прелесть моя, утверждать, что носишь при себе такой замечательный камешек.

– Конечно, не ношу. Но если ты согласишься обменять на камешек Владимира, я проткну пространство (а я умею это делать хорошо) и возьму «Кохинор» из его сокровищницы.

– Из чьей сокровищницы?

– Какая тебе разница? Зато ты сможешь перед всем населением Бардо хвастаться такой бирюлькой.

– Больно надо мне хвастаться... Дай подумать.

– А что тут думать? Давай-ка партию в шахматы. Если выигрываешь ты, то тебе и Володька, и «Кохинор».

– Отлично! Ну а если выиграешь ты?

– «Кохинор» остается у меня, а я в придачу получаю твоего пленника.

– Хорошо.

Дэва хлопнула в ладоши. Появился устрашающий тип с бычьим рогом посреди лба и шестью руками-клешнями. Тип споро расставил фигуры на шахматной доске и исчез.

– Не против, если я проверю эту доску на магию? – раздвигая жвалы, спросила Анна Николаевна.

– Ну-ну.

– Ин номине патри эт фили эт спиритус санктис! – возгласила Анна Николаевна.

Над доской поднялось оранжевое облако и развеялось в вышине.

– Вот теперь никакой магии, – удовлетворенно высказалась Анна Николаевна, потирая обожженные кончики жвал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.